
ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
2

Весенняя Прага. На набережной Влтавы.
Фото Н. Козловского.

На первой странице обложки: Подвесная пассажирская канатная дорога из города Чиатуры на марганцевый рудник.
Фото М. Альперта.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1508)

34-й год издания

6 МАЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Радостно и торжественно праздновали советские люди Первомай — день международной пролетарской солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран. В Москве 1 Мая состоялся парад и демонстрация трудящихся. На снимке: колонны представителей трудящихся столицы на Красной площади.

Фото А. Новикова.

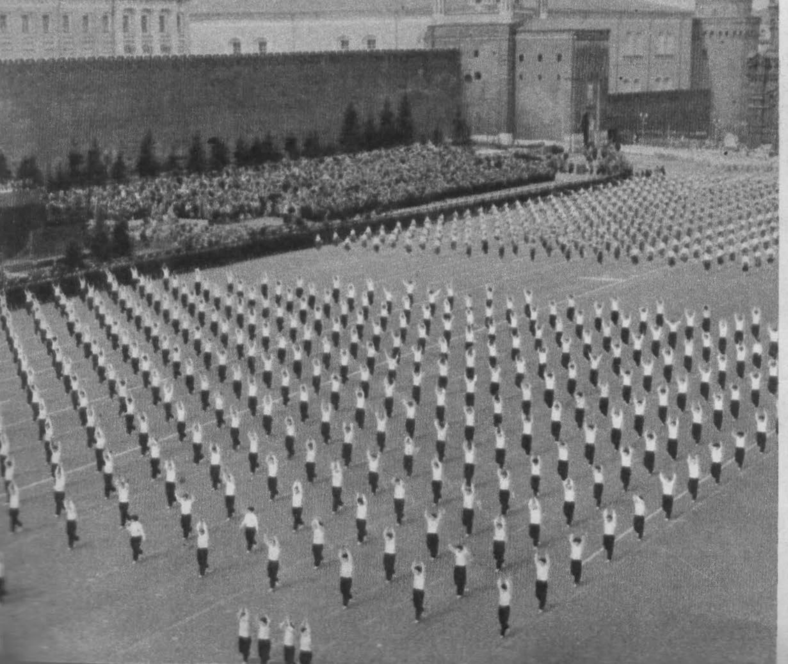
1 МАЯ 1956 ГОДА

На первомайском параде в Москве.

Всеми цветами радуги засверкала Красная площадь, когда здесь появились физкультурники.

На трибуне Мавзолея (слева направо): товарищи Г. К. Жуков, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов, А. И. Микоян, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Д. Т. Шепилов, Н. М. Шверник, А. Б. Аристов, Н. И. Беляев. Вместе с руководителями партии и правительства — дети, которые преподнесли им цветы.

Фото А. Гостева и С. Фридлянда.

Фото А. Гостева, М. Савина, Е. Тиханова, С. Фридлянда.

Празднование 1 Мая в Ленинграде.

Фото Н. Ананьева.

Первомайская демонстрация в Киеве.

Фото Н. Козловского.

Идут москвичи — ликующие, приветствующие руководителей партии и правительства.

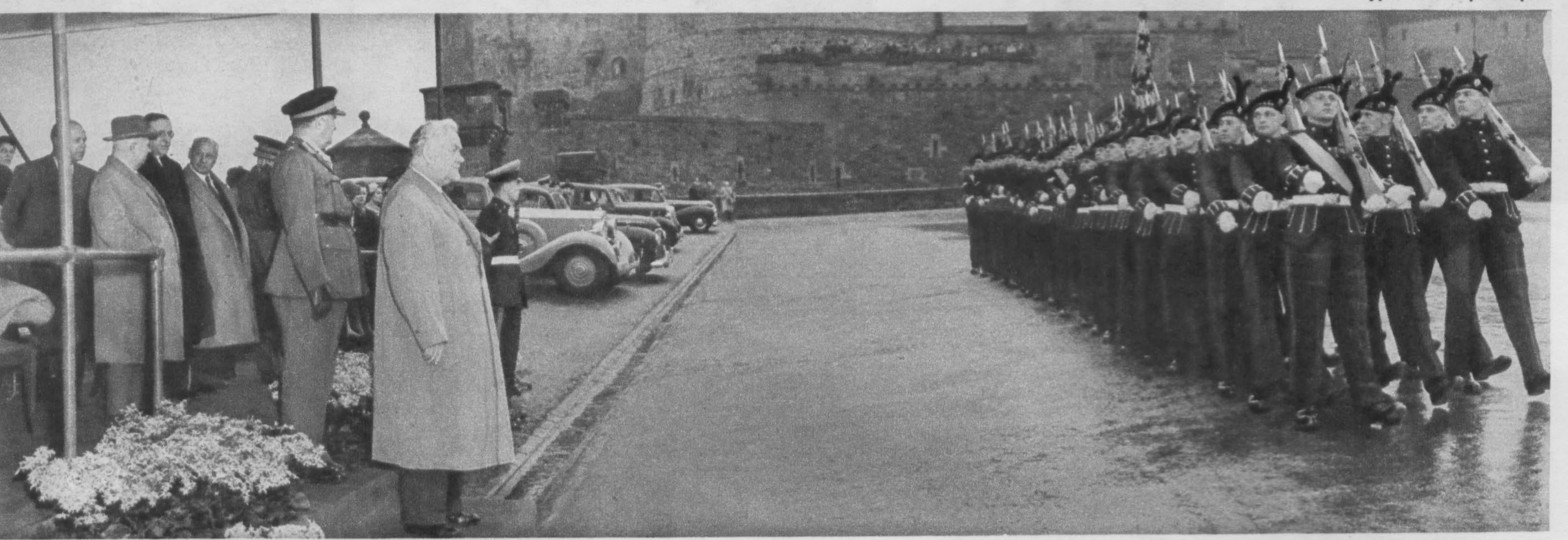

В ИНТЕРЕСАХ МИРА

В течение десяти дней гостили в Англии Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев. Этот дружеский визит, давший возможность руководителям нашего государства возобновить личный контакт с руководящими английскими деятелями, принес и еще принесет много пользы для укрепления добрых отношений между СССР и Великобританией.

Мы публикуем фотографии, связанные с последними днями пребывания Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Англии и возвращением их на родину.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

Шотландия. В Эдинбургском замке. Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев на почетной трибуне во время традиционной военной церемонии шотландской гвардии — торжественной зори.

На приеме в Совете Лондонского графства. Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев в группе мэров муниципальных районов Лондона.

←
Советские гости посетили базу тяжелых бомбардировщиков королевских военно-воздушных сил в Мархэме (графство Норфолк). Они осмотрели самолеты, посетили клуб, столовую, зашли на квартиру военнослужащего — капрала Дерека Раймонда. На снимке: Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев знакомятся с семьей капрала Раймонда.

26 апреля в помещении английского министерства иностранных дел состоялось подписание Заявления о переговорах Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и Члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева с Премьер-Министром Соединенного Королевства сэром Антони Иденом. На снимке: после подписания Заявления.

Перед отплытием крейсера «Орджоникидзе» из Портсмута на родину. На снимке: Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев беседуют с министром иностранных дел Великобритании Селвином Ллойдом на борту крейсера.

30 апреля Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев вернулись в Москву из поездки в Англию. На Центральном аэродроме их встречали руководители партии и правительства. Свыше 25 тысяч москвичей собрались здесь на митинг, посвященный успешному завершению англо-советских переговоров.

На снимках внизу: на Центральном аэродроме 30 апреля.

Фото А. Новикова.

Солдат Николай Ключарев. Снимок сделан в 1940 году в Одессе.

Солдат и ученый

Я. МИЛЕЦКИЙ

С семьей Ключаревых мы познакомились перед самым ее отъездом. Ждали машину, чтобы погрузить вещи. Собственно говоря, какие вещи у человека, прожившего много лет в студенческом общежитии?..

Вся семья волновалась: переезд в Рязань означал начало новой жизни. Для самого Николая Александровича это было возвращением в город, где он провел детство и юность, окончил среднюю школу. Маргарита Григорьевна связывала переезд в Рязань не только с первыми шагами мужа в науке, но и с бытовыми переменами: наконец они уедут из общежития. Двухлетняя Аленушка удивленно смотрела, как суетятся родители, и, видимо, не доверяя им, сама укладывала игрушки. Только двухмесячная Верочка безучастно посасывала соску.

— Эх, не забыть бы купить детской муки! — спохватилась Маргарита Григорьевна.

— А я сейчас сбегаю, — отозвался Николай Александрович.

Опираясь одной рукой о перила, а другой — на палку, Ключарев перепрыгивал через несколько ступенек и мгновенно очутился на улице. Он побывал в магазинах, накупил всякой всячины на дорогу, про запас, и вернулся, когда сумка наполнилась доверху.

— Зачем так много? Ведь трудно нести, — встретила его Маргарита Григорьевна.

— Могу обслужить семью гораздо бо́льшую! — задорно ответил муж.

Н. А. Ключарев с семьей. Февраль 1956 года.

Фото Е. Тиханова.

В Рязань Николай Александрович поедет на грузовике с вещами, все устроит на новой квартире, а на следующий день встретит жену и детей на вокзале. Они прибудут на все готовое.

Николай Ключарев уехал из Рязани в 1939 году, когда ему было восемнадцать лет, — прямо со школьной скамьи в армию. Грянула война, и кадровые части приняли первый удар врага.

Солдат Ключарев вступил в бой на границе. Бил из своей пушки прямой наводкой по вражеским укреплениям. Дважды был ранен и снова возвращался в строй. Как-то его зачислили даже в казачью часть, и он, никогда не ездивший верхом, тешил себя тем, что будет носить лампасы. Но это не сбылось: выдали только башлык, который так и не пришлось надеть, потому что наступила оттепель. Вскоре его снова ранило, и он уже к казакам не вернулся.

В пехоте Ключарев чувствовал себя уютней. Был первым шутником, запевалой, никогда не унывал, свыкся с трудностями и радостями походной жизни.

Отступал Николай на юге, а наступал почти от самой Москвы. Выбивал фашистов из укреплений под Оршей, гнал их через Минск на Вильнюс. Дошел солдат Ключарев опять до рубежа родной земли, до Пруссии. Здесь его тяжело ранило. Это было в 1944 году.

Он очнулся в госпитале. Снаряд разбил обе ноги: одну ампутировали выше колена, другую — ниже.

Год он пробыл в госпитале, где костыли были единственным средством передвижения. Фронтовик не терял бодрости духа и тут.

— А я их, костыли, выброшу к чертовой матери, как только в Москву приеду! Буду ходить на протезах, — обещал Ключарев.

По инструкции ему полагался провожатый. Он не возражал, когда медицинская сестра, бережно поддерживая его, уселась рядом в вагоне.

— Только до Москвы, сестрица, для компании. А дальше, в Рязань, я поеду один: ваша помощь излишня...

Так и произошло. В Москве он бросил костыли, отослал сестру и, опираясь на трость, двинулся в путь. Было трудно и очень больно. Но больше он костылями никогда не пользовался. Их даже нет у него.

В Рязани он поселился у тети, у которой воспитывался с малолетства. Ключарев нашел в себе силы побороть и боль душевную и боль физическую. Отдохнув, решил поехать в Москву учиться, в Московский авиационный технологический институт.

Студенческие годы Ключарев провел среди друзей, заботливых и чутких. С радостью и пылом молодости отдался учению и общественной работе. Жил в общежитии, где было немало студентов, побывавших на фронте.

В институте Ключарев вступил в партию. Студенты любили его. Он был не только председателем профкома, но и неизменным тамадой на товарищеских вечеринках, организатором балов. На балах не отказывался и от танцев, предпочитая при этом танго — танец медленный и для него более приемлемый. Товарищи шутя называли его адмиралом. Пошло это с того времени, когда он возглавил шлюпочный переход из Москвы в Углич и обратно. Тогда же узнали, что командир похода отлично плавает.

В год окончания института Ключарев женился на подруге детства, которую случайно снова встретил в Москве. Рита стала стройной, красивой девушкой. Она призналась, что и Николай не подурнел от невзгод войны...

Теперь у них уже две дочки.

Росла семья, обязанности Николая Александровича усложнялись. Приходилось, кроме работы в библиотеках, лабораториях, мастерских и на заводах, помогать жене. Но его хватало на все. Он охотно ходил по магазинам, а если приходилось, то и готовил обед и даже стирал пеленки.

Но вот миновали и студенческие годы и годы аспирантуры. Уже закончена диссертация, заслужившая похвальные отзывы видных профессоров. Работая над диссертацией, Ключарев часто выезжал далеко за город, ходил по нескольку километров пешком, а потом простаивал целые смены в цехе возле пресса. Ему это давалось нелегко, но зато сколько радости доставляла молодому ученому каждая удача!

Еще до защиты диссертации он съездил в Рязань, — надо договориться о работе. Переговоры были недолгие. Хоть завтра начинай преподавать в радиотехническом институте. Что же нужно еще? Квартиру? Есть и квартира. Пока в здании института, а с окончанием строительства — в доме для преподавателей.

О здоровье Николая Александровича не спрашивали: сразу видно, что здоров... Никто и не догадался, что будущий преподаватель института без ног.

...Настал долгожданный день защиты диссертации. В зале собрались профессора, преподаватели, студенты. Приехал и представитель рязанского института, чего Ключарев никак не ожидал. Он привез отзыв на автореферат диссертанта: рязанские коллеги дали высокую оценку труду молодого ученого.

Одна мелочь огорчила Николая Александровича. Как и полагается по инструкции, секретарь зачитал биографию диссертанта:

— «Товарищ Ключарев Николай Александрович, участник Отечественной войны, вследствие тяжелого ранения в 1944 году лишился обеих ног...»

«К чему это?» — пронеслось в голове Ключарева. И он посмотрел в сторону приехавшего из Рязани. У того широко раскрылись глаза от неожиданности.

Но все прошло благополучно.

Доклад был выслушан с интересом, выступавшие отозвались о нем как о вкладе молодого ученого в науку. Много лестного сказал о диссертанте представитель рязанских ученых. Они и понятия не имели о том, что их новый коллега, оказывается, — «Маресьев от науки». Рязанцы рады принять его в свою среду и будут гордиться его успехами.

Ученый совет единогласно присудил инженеру Николаю Александровичу Ключареву ученую степень кандидата технических наук.

Вот мы и вернулись к началу нашего рассказа о том, как в студенческом общежитии поджидали грузовик из Рязани. Наконец он прибыл...

Бывший солдат Николай Ключарев, ныне молодой ученый, возвратился в родной город.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ В СТРАНЫ АЗИИ

В марте — апреле этого года Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян в сопровождении Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидова посетил Афганистан, Пакистан, Индию, Бирму, Демократическую Республику Вьетнам, Китайскую Народную Республику и Монгольскую Народную Республику по приглашению соответствующих правительств. Переговоры с руководящими деятелями этих государств, опубликование совместных коммюнике, заключение ряда экономических соглашений сыграют большую роль в укреплении дружбы между народами СССР и стран Азии.

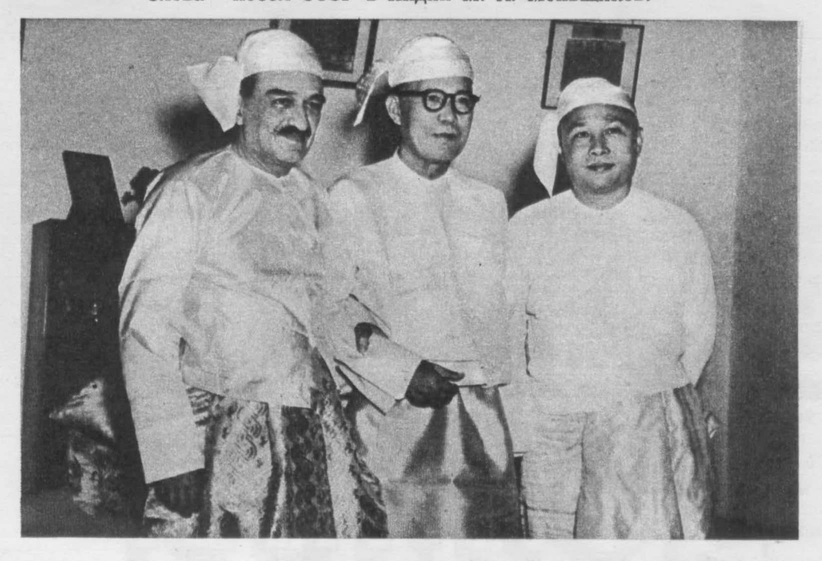
Мы публикуем полученные редакцией журнала «Огонек» фотографии о поездкг А. И. Микояна.

Дели. Во время пребывания тов. А. И. Микояна отмечался веселый народный праздник «Холи». В этот день у индийцев принята традиционная шутка — обливать друг друга водой или мазать яркой краской. На снимке: Премьер-Министр Индии Джавахарлал Неру выполняет шутливый праздничный обряд. Слева — посол СССР в Индии М. А. Меньшиков.

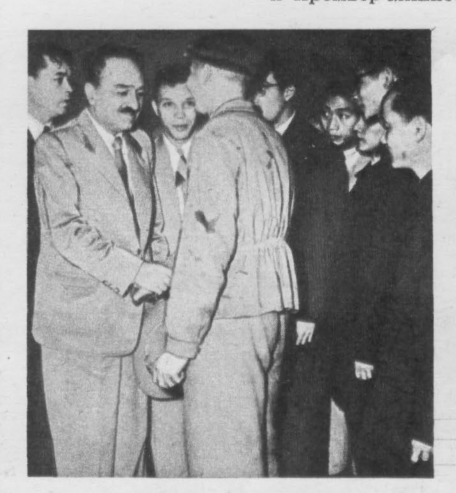
Кабул. А. И. Микоян беседует с Премьер-Министром Афганистана Мухаммедом Даудом.

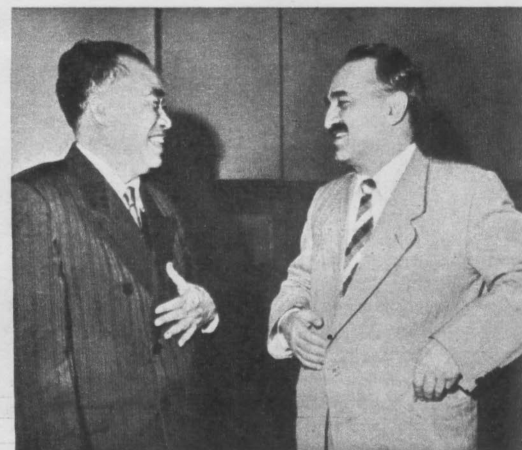
Рангун. А. И. Микоян, Президент Бирманского Союза доктор Ба У и Премьер-Министр У Ну.

Карачи. На приеме в Советском посольстве. Слева направо: Президент Республики Пакистан Искандер Мирза, Премьер-Министр Мохаммед Али и А. И. Микоян.

Ханой. А. И. Микоян беседует с рабочими ханойской электростанции.

Пекин. Заместитель Председателя Китайской Народной Республики маршал Чжу Дэ и А. И. Микоян.

Улан-Батор. А. И. Микоян, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидов и посол СССР в Монгольской Народной Республике В. И. Писарев среди руководителей МНР. Слева направо: Секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Н. Лхамсурун, Первый заместитель Председателя Совета Министров МНР Б. Ширендыб, В. И. Писарев, Первый секретарь ЦК МНРП Д. Дамба, Ш. Р. Рашидов, А. И. Микоян, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ж. Самбу.

Общее собрание в колхозе имени Хрущева.

ЛЮДИ ВАХШСКОЙ ДОЛИНЫ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Вокруг высились густые, увенчанные лохматыми белоснежными взрывами кусты. Недолгое вечернее солнце юга еще висело над горами, и от его лучей хлопок еле заметно отсвечивал розоватым цветом.

Сейчас, сидя перед нами, плотный, с простудной хрипотцой от бесконечных поездок по весенним полям главный агроном совхоза имени Куйбышева Владимир Константинович Редкин, вспоминая о недалеком прошлом, добродушно усмехается.

За этими воспоминаниями стоит многое. Здесь и седина, что прибавилась у самого Редкина, и пошатнувшееся здоровье первого секретаря Курган-Тюбинского горкома партии Николая Петровича Парамонова, и кипы актов, заключений.

Казалось, кто может возразить людям, которые хотят дать стране невиданные раньше урожаи хлопка, кто посмеет пойти против них, если сама жизнь подсказала новые способы обработки полей?

И все же они нашлись, такие «спецы», нашлись именно потому, что давным-давно оторвались от жизни, ничего не хотели знать, кроме ими же разработанных в тиши кабинетов «научных» истин.

Это началось еще во время войны.

Теперь уже трудно выяснить, кто первый додумался и подсчитал, что при ширине посева в семьдесят сантиметров густота растений явно недостаточна, и напрасно пропадает, не используется полностью благодатная таджикская земля.

— Если не ошибаюсь, впервые сузили ряды посева в Ленинабадском районе.— И Редкин снова усмехается.— Правда, техника была не на самом высоком уровне. Сначала сеялкой проходили привычные семьдесят сантиметров, а потом между ними досевали ряд при помощи обыкновенного ишака. Ишак, конечно, животное вполне достойное, но с общеизвестным характером. Впрочем, даже и этот кустарный способ сразу прибавил урожай...

И вот на первый взгляд ничем особенным не выдающееся нововведение было подхвачено горячей творческой мыслью, выросло в продуманную, научную агротехническую теорию.

Прежде всего потребовались новые тракторы и новые сельскохозяйственные машины. В совхозе имени Куйбышева не стали ожидать, пока в далеких конструкторских бюро начнут разрабатывать проекты машин для суженных междурядий.

Издавна повелось на нашей земле, что везде можно отыскать великого умельца, с золотыми руками мастера, пускай даже не особенно сильного в творческих выкладках, но с талантливой, дерзкой головой изобретателя.

Нашелся такой умелец и в совхозе — механик Д. Прокофьев. С помощью лучших трактористов Т. Карабаева и А. Алимова он быстро переоборудовал сеялку и трактор в механической мастерской.

— Здесь и наступил главный этап нашей борьбы.— Редкин разложил на столе таблицы.— Узкорядный посев прибавил урожайность, но все еще по-старому — кетменем — приходилось прореживать всходы и мотыжить в рядках. Вышли мы и из этого затруднения: начали применять механическую обработку в двух направлениях — продольном и поперечном. Родился квадратно-гнездовой способ. Вот вам несколько цифр: при посеве хлопчатника суженными междурядьями и обработке его с помощью трактора в двух направлениях при квадрате 45 на 45 сантиметров на гектаре получается 49,4 тысячи гнезд вместо прежних 20,4 тысячи. Наглядно и убедительно! Вроде каждый здравомыслящий человек обрадуется. Но не тут-то было!

Улыбается агроном Редкин, а рассказ его все-таки невеселый.

Хотя Центральный Комитет Коммунистической партии и Совет Министров Таджикской ССР настойчиво рекомендовали посев хлопчатника суженными междурядьями, все равно некоторые специалисты заволновались. Новое, рожденное жизнью, угрожало кабинетным диссертациям, ставило под сомнение звания и оклады.

Один почтенный директор весьма почтенного научно-исследовательского института по хлопководству заявил Редкину прямо:

— Если я ваши опыты признаю, придется зачеркнуть всю собственную научную деятельность.

Начались бесконечные совещания, принимались непонятные, запутанные решения.

Но жизнь оказалась сильнее.

— Плохо быть отстающими, но нелегко быть и передовыми. Забот не меньше,— пошутил Редкин и поднялся из-за стола.— Мне пора на участки. А вам следует проехать в колхозы Вахшской долины, они теперь получают урожаи ничуть не меньше наших, а то и больше. Счастливого пути!

И мы поехали по Вахшской долине.

Окруженная со всех сторон зубчатыми горами с голубоватыми искристыми пятнами снега на вершинах, долина похожа на чашу, залитую солнцем, с плодородным дном, расколотым надвое живительной струей могучей реки Вахш.

Серебряными звездочками цветет миндаль, еще не распустились сады, но на полях снуют тракторы и бульдозеры, отвоевывая для посевов новые ровные участки, торопливо машут тяжелыми железными руками экскаваторы, расчищая для воды оросительные каналы.

Кажется, что они спешат помочь земле как можно скорее одеться в яркий, пестрый наряд из буйных, разлапистых кустов хлопка, приукраситься темнозелеными узорными листьями виноградников, опоясаться весело журчащими арыками.

А ведь совсем недавно, в тридцатые годы, здесь тоскливо скрипели под горячим ветром тростники, бродили хмурые дикие кабаны и пялились в небо пыльные, выжженные палящими лучами пустыри.

...Первый секретарь Курган-Тюбинского горкома партии Герой Социалистического Труда Николай Петрович Парамонов встретил нас словами:

— Если вам скажут, что это придумал Парамонов, или председатель колхоза имени Хрущева Турдыев, или кто-нибудь другой,

Артистка Зухра Каримова в роли Гюльнор в новом таджикском художественном фильме «Дохунда».

Передовой тракторист Курган-Тюбинской МТС Хаджибек Каримов.

ПО ТАДЖИКИСТАНУ

Фото О. КНОРРИНГА.

Выходной день в колхозе имени Хрущева, Курган-Тюбинского района. Колхозники смотрят национальную борьбу.

На реке Вахш.

не верьте: неправда и даже клевета. Жизнь подсказала.

У Николая Петровича удивительно пристальные, блестящие глаза. Он из тех людей, кого в древности называли фанатиками своего дела, позже энтузиастами, но и то и другое не совсем верно. Просто это человек, у которого есть одна, главная, бескорыстная страсть, и он твердо знает, чтó он будет делать не только завтра, но и через десять лет.

Хлопок — страсть Парамонова, и говорить о нем он может часами, почти как о живом существе. Десятки лет отдал Николай Петрович Вахшской долине.

— Самые высокие урожаи хлопка, достигнутые в Вахшской долине благодаря квадратно-гнездовому способу и суженным междурядьям, — рассказывает он, — обогатили колхозы, но дальнейший рост урожая больше всего тормозила существующая система оплаты труда. Главное заключалось в отчетной цифре. Звонит мне по телефону председатель и бодро рапортует: столько-то и столько-то гектаров засеяли, столько-то и столько-то гектаров убрали. Ни из-за качества, ни из-за количества хлопка-сырца ни у кого голова не болела, все измерялось гектарами. И лодырей развелось немало за счет честных колхозников.

За несколько месяцев до Двадцатого съезда партии в одном из лучших колхозов района, в колхозе имени Хрущева, где председателем Холмурат Турдыев, решили оплачивать труд колхозников в зависимости от количества и качества выращенного ими хлопка. Нормы оплаты обсуждались колхозниками, неутомимо сверялись с действительными возможностями.

Система, выработанная в колхозе имени Хрущева, ничего никому не навязывала, она предусматривала: пусть каждый колхоз произведет для себя расчеты сам и сам назначит нормы оплаты, утвержденные общим собранием.

— Остальные подробности вы услышите сами. Сейчас в бригадах идет обсуждение новой системы оплаты,— сказал нам на прощание Николай Петрович Парамонов.

...На берегу пустого, еще не напоенного водой оросительного канала, под тутовыми деревьями, с кронами, напоминающими пауков, собрались вторая и четвертая бригады колхоза имени Хрущева.

В день, когда мы приехали в бригады, как раз было опубликовано постановление партии и правительства об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели. Парторг колхоза прочел постановление, и началось обсуждение.

— Если у тебя есть одна рубашка, то надо, чтобы завтра было две,— так начал свое выступление бригадир Исма Саидов.— А рубашку надо заработать честным трудом. В нашей бригаде пятьдесят три человека выходят на работу, а могут выйти восемьдесят. Остальные за наши спины прячутся. Новая оплата с единицы получаемой продукции заставит лодыря самого потрудиться на свою рубашку.

— А насчет женщин можно сказать? — раздался требовательный голос.

Молодой колхозник, явно волнуясь, выпалил:

Председатель колхоза Холмурат Турдыев на поле.

— Как получается: женщина больше нас работает на поле, дома детишки ждут, их кормить, поить приходится, и считается правильно. Привыкли. А дела колхозные решать мужчины идут. Тоже привыкли. Нехорошо получается, совсем нехорошо.

Парторг шепнул нам:

— Молодожен. Сейчас мы его успокоим.

И парторг зачитал то место из проекта новой системы оплаты, где по норме мужчине полагается в год выработать не менее 285 трудодней, а женщине, чтобы она успевала заниматься домашними делами, не менее 213.

...Еще на рассвете к летнему клубу колхоза начали приходить грузовики с колхозниками из дальних бригад, приезжали на собственных «Москвичах» и «Победах», добирались по старинке, верхом на осликах.

Чайханщик еле успевал подавать крутобокие чайники, и под неторопливый глоток пахучего кок-чая в который раз шли разговоры о новой системе оплаты.

Седобородый аксакал, степенно поддерживая темными пальцами пиалу, неторопливо объяснял:

— Собрание совсем другое стало. Как скажем, так и будет.

А черноусый парень весело помахал камчой:

— Выходные дни будут. Отпуск двадцать дней. Обязательно на курорт поеду!

Перед самым началом собрания мы познакомились с председателем колхоза имени Хрущева Холмуратом Турдыевым.

В районе его шутливо зовут «маленький раис» — маленький председатель. Он и вправду невысок ростом, но и еще о нем говорят: «Турдыев потому в земле хорошо понимает, что она к нему ближе, все рассмотреть может».

Турдыев был председателем колхоза до войны, потом ушел на фронт и солдатом прошел от Сталинграда до Берлина.

После войны он одним из первых начал вводить квадратно-гнездовой способ и суженные междурядья при посеве хлопка.

— Опять сражаться пришлось. Старики сопротивлялись.— Председатель заговорщицки подмигнул нам.— Скажу по секрету: новая система оплаты тоже еще не до всех дошла. Есть у меня знакомый председатель в районе, так он пока в нерешительности. Боится. Фамилия? Нет, не назову. Знаю: одумается. Не может не одуматься. Прямая выгода колхозу. Пора, начинаем собрание...

Интересно и поучительно прошло это собрание.

Прежде всего чувствовалось главное: люди выступают как подлинные хозяева колхоза, смело вносят поправки и предложения. Вот светлые от радости, пожалуй, даже просветленные лица выступающих участковых агрономов.

Ведь чего греха таить: нередко отмахивались раньше от их советов, не слушались указаний. Засеяли положенное для отчета количество гектаров — и ладно, пусть растет, все равно трудодни будут начислены.

А теперь, когда оплата зависит от количества и качества получаемого урожая, агроном становится ведущей фигурой в колхозе, каждый не поленится лишний раз обратиться к нему за советом, лишний раз попросить на свой участок.

Вопросы возникали самые неожиданные. Файзулло Гулов из восьмой бригады заявил:

— Бригадир зря теперь не пошлет: «Сходи туда и принеси то-то». Так день и пропадал. В чайхану заглянешь, с друзьями побеседуешь. А сейчас ты мне только настоящую работу давай. Не даст — снимем бригадира.

Особенно горячий разговор начался по поводу новых прав колхозного собрания.

Колхозники справедливо упрекнули районное руководство, восстановившее в колхозе исключенных лентяев.

— Больше не повторится,— заверил собрание Николай Петрович Парамонов.— Решение собрания — закон.

Не забыли и о приусадебных участках. Есть семьи, где пять — восемь трудоспособных человек, а работают двое — трое. Надо с этим покончить и оставить количество земли на приусадебных участках только для членов колхоза.

Вечером мы попали в гости к трактористу Ортыку Нишантаеву. Он сидел на корточках перед сыном, который изо всех сил дул в жестяную трубу, извлекая пронзительные, скрипучие звуки.

Через несколько минут пришли табельщик Гультара Ниязалиев и учитель Сайдалхан Сайдаров. Появился на ковре дымящийся плов, неизменный чайник зеленого чая и уж вовсе не традиционная, по случаю торжества, бутылка вина.

— Есть такое ответственное слово: «хозяин»,— сказал учитель, поднимая рюмку.— Когда-то считалось: чем у бая больше земли, тем он больше хозяин. А сейчас вся земля наша и нет на ней хозяина большего, чем народ. За Большого хозяина!

...Нельзя забыть еще одной встречи в цветущей Вахшской долине, где снова мы услышали слова про хозяев нашей земли.

Председателя колхоза имени Ленина делегата XX съезда партии Середжа Фатаева мы застали дома хмурого и чем-то недовольного. Он сидел над стопкой бумаг и сердито покручивал длинные черные усы.

Оказалось, кто-то из расторопных руководящих товарищей предоставил ему полный конспект его завтрашнего выступления, заранее отпечатанный на машинке.

— Зачем так делать, не понимаю!

Решительно отложив конспект, Фатаев прошелся по комнате.

— Не буду по листкам говорить! Просто скажу: жил, работал председатель колхоза коммунист Середж Фатаев. Говорят, неплохо работал. Честно работал. Никогда в Москве не был и сразу попал в Кремль. И не гостем, не экскурсантом был в Кремле, а послали туда вместе с другими решать государственные дела. За что меня такой чести удостоили? Тоже скажу. Вот ходил по Москве, в магазины заглядывал и гадал, сколько здесь из хлопка нашего колхоза материи висит. Не сосчитаешь, не узнаешь, а труд наш в государстве есть... А листки верну. Пусть не обижаются.

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

День, казалось Фусту, будет таким же безвкусным, как этот завтрак,— где бы ты его ни ел,— состоящий из кукурузных хлопьев с молоком и сахаром, кусочка масла, яичницы со свернувшимся в черную трубку ломтиком бекона, мягким бананом и жестким, сухим мандарином, чашки черного чая и пересушенных, тонко нарезанных тостов.

Машина, предупредительно посланная Аюбом Хуссейном, ждала его на дворе. Умар-Али был тем шофером, который все знает, все видит и обо всем виденном и слышанном молчит, а если говорит, то только отвечая на вопрос, обращенный к нему. И, однако, за этой молчаливостью не чувствовалось ни озлобления, ни каменной неподвижности, ни равнодушия к жизни. Умар-Али имел очень выгодную для шофера богатого человека внешность: незаметную и скромную,— но все слуги дома Аюба Хуссейна знали его как веселого, жизнерадостного, отзывчивого и умного человека, хотя он иногда и бывал резок и обидчив. Как бывший солдат, любил он товарищество и дружбу, помогавшие ему в джунглях Бирмы и Ассама.

Фуст сел рядом с ним и велел везти себя в музей.

Видно было, что большой Лахорский музей пережил какие-то сложные времена. Об этом говорили гулкая пустота его зал и явное отсутствие многих предметов в полупустых витринах. Судя по оставшимся светлым пятнам на полу, и многие изображения богов, статуи героев исчезли из стен музея. Книжные шкафы тоже были порядком опустошены.

— Да,— сказал старик в белом тюрбане и с палкой из красного дерева, сопровождавший Фуста,— мы отдали многое индийцам, когда делились после образования Бхарата и Пакистана. И это хорошо, слава аллаху, потому что то, что мы имеем рядом, важно только для сравнения, чтобы сразу увидеть, где свет истины, а где только желание, не имеющее силы выражения.

Он почтительно наклонился к стене, где висел длинный ряд иранских миниатюр старой школы.

— Посмотрите,— сказал он,— какие образцы неповторимого искусства здесь пред вами, с каким вдохновением сделаны эти картины, не имеющие равных в свете, как тонко написаны здесь лица, какая утонченность в изображении пейзажа! Слеза восторга горячит глаз, и сердце содрогается от сладости и восхищения! А! Какие миниатюры! Где вы видели такие? Вы их нигде не увидите! Я часами могу смотреть на них. А это?! — Он повернулся направо и вытянулся с такой надменностью, точно кто-то нанес оскорбление его роду.

Своей толстой красной палкой он ткнул в противоположную стену и сказал так презрительно, точно слова, которые он сказал, такие, что после них надо сразу полоскать рот, чтобы освободить от скверны.

— А это?! — повторил он почти в отчаянье.

Фуст увидел миниатюры, которые показались ему похожими на те, что он только что рассматривал. Но сказать свое мнение он не хотел. Ему нравилось бушующее неистовство хранителя музея, и он покорно, но равнодушно ждал.

Старик тыкал палкой в эти беззащитные произведения, которые явно, будь его воля, уничтожил бы немедленно и навсегда.

— Исчадие ада, работа несовершенных рук, творение бессилия! — Он плюнул на пол и постучал о пол палкой, точно усмирял злого духа, запертого под ним в подвале.

— Что это? — спросил Фуст, рассматривая рисунки.

— Это индийские миниатюры, тут нечего смотреть,— сказал старик.— Идемте дальше!

Перед Фустом стояли статуи тех времен, когда волны индийского мира сливались с морем греко-бактрийской культуры, как сливаются воды Ганга и Брамапутры, идущие навстречу с разных концов огромных горных стран. Стояли статуи в белых передниках, и это было так неожиданно, что даже равнодушие Фуста дрогнуло. Ему издали показалось, что на них надеты белые широкие штаны и оттого у них такой огорченный и грустный вид. Фуст взглянул на старика, и тот понял его немой вопрос.

— Пакистан — страна торжествующего ислама, чистой веры! Мне трудно как правоверному глядеть каждый день на тела идолов, неприлично обнаженные и представляющие бесстыдство для глаз верующих! К нам ходят женщины и дети. Я закрыл их.

Музей имел много зал, и в них были очень хорошие костяные изделия, выточенные из целого слонового бивня, металлические изделия кустарей, резьба по дереву, ковры, оружие.

Среди оружия в полупустых шкафах иногда лежали остатки стрел, или испорченный колчан, или старый изогнутый клинок. Перед ними останавливался старик и, поглаживая бороду, как будто приветствуя их с большим уважением, говорил Фусту:

— Это образцы победоносного оружия ислама, подлинные вещи славных времен исламской древности! По изгибу этого клинка видно, какая сильная рука была у его владельца.

Они вошли в зал, где было множество камней разной формы, разного размера. На них можно было видеть какие-то угловатые, очень сложные по рисунку надписи.

— Что это такое? — спросил Фуст.— На каком языке эти надписи?

— Эти надписи сделаны на неизвестных языках, до сих пор их еще никто не сумел прочесть.

— Зачем же вы их не отдали индийцам? — сказал Фуст.— На что вам камни с неизвестными надписями?

— Их нельзя отдавать индийцам,— сказал старик.— А если окажется, что это надписи людей, исповедовавших коран или бывших нашими предками? Я лично уверен в этом. Вдруг эти камни взяты с мусульманских кладбищ?

Однако почти ничто не задержало внимания Фуста так, как вещи, раскопанные в таинственном городе по имени Мохенджо-Даро. Но это был интерес сенсации. Если бы перед глазами современного американца появились развалины Атлантиды и ученые выложили бы перед любопытствующими современниками предметы той легендарной страны, то это была бы, может быть, сильнейшая сенсация нашего века. Мохенджо-Даро — не Атлантида. Он не известен широко.

Как на сенсацию, смотрел Фуст на эти странные предметы, которые были взяты в окаменелом городе на большой глубине в Синде. Город этот, большой, благоустроенный, и, повидимому, очень культурный, относился к временам, которые невозможно себе представить. Пять тысяч лет назад по улицам этого города ходили люди, двигались караваны, в домах трудились, пели, веселились, умирали. И эти вещи, хранившие тайну времени, рассказывали о том, что тогда уже знали золото, серебро, медь, железо, знали пшеницу и пальмы, хлопок и дыни. В домах у живших тогда людей были высокие комнаты, была прекрасная планировка улиц, была городская канализация.

Фуст смотрел на печати из твердого камня и слоновой кости, на которых были вырезаны разные животные и стояли иероглифические знаки, чем-то схожие с египетскими.

Все повторяется в этом мире.

Фуст смотрел на все эти вещи, и ему стало казаться, что это какая-то шутка археологов, уверявших, что это выкопано из глубоких раскопок, что этим вещам пять тысяч лет. Но если так, что изменилось?

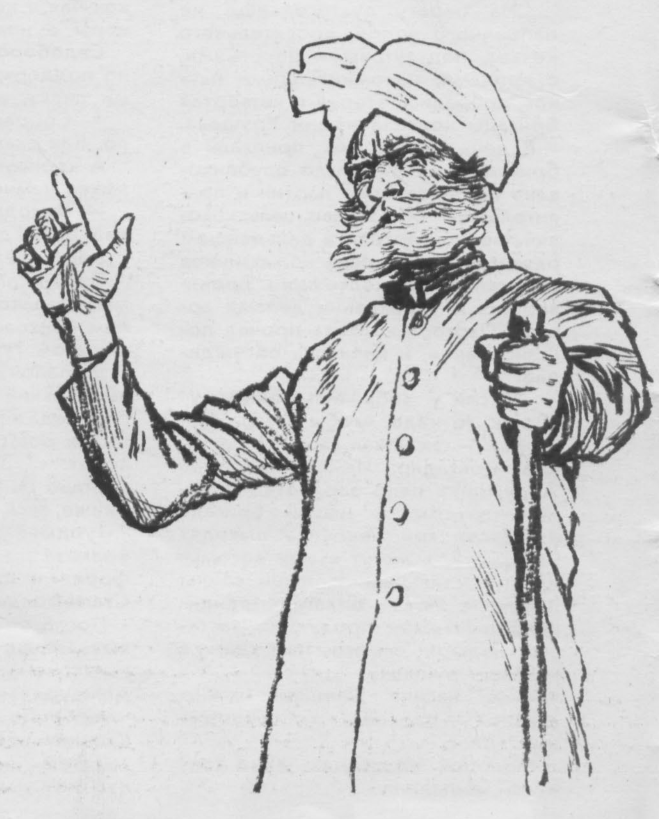
Такой же буйвол сегодня идет по улицам, как и этот, которому пять тысяч лет. И собака рядом с ним, как будто она только что прибежала и ее скопировал, стилизуя, быстрый мастер.

Горшок с едва заметным рисунком, но и этот рисунок поищи — и найдешь сегодня на очагах туземцев долины Инда.

Этот бородатый человек в костюме, расцвеченном трехлепестковыми цветками, может быть начальником какого-нибудь селения в горах или главой цеха в Лахоре.

Слон, над которым письмена, похожие на геометрические фигуры, какие-то граненые треугольники, ромбы, октаэдры, такой же, как и сейчас.

Фусту пришла в голову неожиданная мысль: «Что останется от нас через пять тысяч лет?» Когда он представил себе города нашей культуры погребенными в глубоких слоях южной или северной земли и вновь откопанными, ему стало не по себе. Но эта мысль его позабавила.

Продолжение. См. «Огонек» № 18.

Ему захотелось на воздух, к зелени и воде. Он простился со старым фанатичным последователем ислама, пожелал ему новых успехов в развитии порученного ему музея, прошел мимо знаменитой пушки Зам-Заммах, даже не взглянув на нее, и велел везти себя далеко за город, на могилу султана Джахангира.

Медленными шагами, в сопровождении неизбежного гида, пояснений которого он не слушал, он шел по длинной дорожке, ведущей от ворот к мавзолею одного из самых известных владык Индии, человека, совмещавшего такие неожиданные и далекие вещи, которые, если бы об этом знал Фуст, понравились бы ему.

Но он не знал этого. Он не знал, что Джахангир был тонким знатоком живописи, что, рассматривая поразительную миниатюру или план нового сада с его утонченными формами беседок, мостиков и купален, он мог оторвать свой взгляд от миниатюры и плана и с любопытством знатока смотреть, как сдирают кожу с живого человека, который разгневал властителя-эстета. Потом он брал перо и записывал и то и другое, чтобы просвещенное потомство не забыло о нем и его делах.

И о нем не забыли. Фуст, человек из страны, которая не снилась и во сне Джахангиру, шел шагом повелителя к его скромной, изящной гробнице, как бы усыпанной каменными, почти живыми в своих красках цветами. Фуст даже не посмотрел, как отчетливо скользнуло по каменному полу в преддверии гробницы его отражение, не остановился перед ажурной мраморной стеной входа и вошел в тишину и прохладу полутемного зала, наполненного искрами от солнечных лучей, дробившихся в резных окнах.

Гид, отстраняя услуги непосредственных хранителей гробницы, непрерывно бормотал какие-то популярные сведения о Джахангире, но Фуст отвечал ему что-то невразумительное и незначительное, и обоим им было хорошо, потому что гид знал, что этот высокий иностранец даст ему лишнюю рупию, и не спрашивает ничего, и удовлетворяется тем, что гид говорит, а, с другой стороны, Фуст был рад, что гид не настаивает на долгом пребывании в этом скучном зале и готов скорее гулять под деревьями и наслаждаться жарким хорошим полднем.

Он покорно дал увести себя на крышу гробницы и оттуда, с минарета, увидел зеленый простор, окружающий Лахор, реку Рави, сверкавшую среди зелени, и дорогу на север, которая ждет его.

Он спросил гида, какое самое зеленое место он знает в Лахоре, которое было бы просто показательным для искусства разведения садов. Гид сейчас же сказал, что ему надо ехать в обратную сторону, переехать Рави, проехать вокзал и с Амритсарской дороги свернуть мимо гробницы Али Мардан-хана, который и создавал Шалимарский сад, свернуть снова мимо Инженерной школы по направлению к Бегампуре, и там он найдет Шалимарский сад — чудо, каких мало на свете. Это близко, всего около двенадцати миль.

Шалимарский сад был пуст в этот час дня. Было уже жарко, и в пустыне этого сада он увидел редких гуляющих и человека, сидевшего в состоянии глубокой задумчивости на полу каменной терраски над бассейном, полным до краев воды. Ничто, казалось, не могло вывести его из этого состояния.

Фуст сказал себе, что он похож на этого человека, с той разницей, что он шагает, а не сидит, подперев голову руками. Сад со своими павильонами, фонтанами, каналом, лужайками и старыми манговыми деревьями и кипарисами понравился Фусту.

Фуст пробыл там очень недолго, ровно столько, сколько нужно пробыть туристу, внимательно знакомящемуся с городом Лахором и его окрестностями. Он даже сделал несколько снимков, которые могли пригодиться.

Машина долго кружила по городу. Молчаливый Умар-Али, казалось, совершенно не интересовался тем, чего хочет его пассажир. Он просто возил его. И только когда они достаточно объехали лавок и базаров, и в чередовании зданий, где сидят чиновники, и лачуг, где живут рабочие, бунгалоу, где проживают чиновничьи семьи, и пышных вилл, где наслаждаются жизнью богачи, прошла вся лестница человеческих отношений так ясно и показательно, Фуст сказал:

— Вези, как хочешь.

Умар-Али показалось даже, что Фуст устал и дремлет, и он, исполняя его приказание, вел машину, не торопясь, в полной уверенности, что Фуст хочет просто на полчаса заснуть.

Но вдруг Фуст сказал с такой силой «Стой!», что Умар-Али не понял, проснулся ли он в это мгновение случайно или он только притворялся спящим.

И Фуст с своей стороны взглянул на шофера внимательно, потому что ему тоже никак не удалось определить, случайно ли шофер завез его в это место или он это сделал по каким-то соображениям.

Но так как Умар-Али ничего не сказал, а просто затормозил машину, он вылез из нее так же безмолвно. Умар-Али тоже вышел из машины. Они стояли среди развалин. Но это не были развалины, вызванные стихийным бедствием. Ни ураган, ни землетрясение тут не принимали участия. Тут действовали силы, которые были страшнее урагана и жесточе землетрясения.

Дома были разрушены так сильно, что невольно приходило сравнение с самыми упорными боями последней войны. Фуст смотрел на эти остатки, носившие следы взрывов и пожаров, ударов каких-то непонятных таранов. Да, тут дрались, и дрались долго, беспощадно, дрались на жизнь и смерть.

Фуст глазом исследователя рассматривал следы, повидимому, многодневных боев, когда эти развалины переходили из рук в руки. Тут боролись с мужеством отчаяния за каждый камень. Тут осаждали и штурмовали, дрались врукопашную, делали ночные вылазки, бросали гранаты и зажигательные снаряды. Тут участвовали пушки и минометы. Может быть, сейчас еще под этими стертыми с лица земли домами, целыми кварталами лежат трупы погибших.

Тут, вероятно, не щадили ни женщин, ни детей. Вон в груде кирпичей остатки колыбели, кроватей, вон черепки посуды, битое стекло, камни, залитые темными пятнами какой-то жидкости, разбитая пиала, сломанный стол, поднявший одну ногу вверх, и разорванные, сожженные книги, куски материй, зацепившиеся за кирпичи.

Какое-то безумие владело сражавшимися, потому что ожесточение, истребившее эти жилые дома, населенные мирными жителями, не имело ничего общего с ожесточением обыкновенной войны.

Зола, пепел, уголь наполняли развалины.

Фуст не стоял так ни перед гробницей Джахангира, ни перед статуями и картинами Лахорского музея, ни перед красотами Шалимарского парка. Он сжал губы, и что-то неприятно-торжествующее мелькнуло в его лице. Но оно сразу же замкнулось, и он отошел немного в сторону, сел на обрубок старого фикусового дерева, закурил трубку и продолжал смотреть так, точно он отыскивал в этих руинах остатки знакомого ему дома.

Он сидел долго. Потом походил перед развалинами большого трехэтажного дома, ржавая крыша которого, свернувшись жгутом, лежала неподалеку. Умар-Али курил сигарету и молча ждал.

Фуст подошел к нему. Молчать дальше было невозможно.

— Как это было? — спросил Фуст.

Умар-Али посмотрел на него так, точно вопрос относился не к нему, а Фуст спрашивает эти обгорелые кирпичи и разбитые доски. Потом он сказал:

— Я не знаю. Я не был в то время здесь. Я был в армии, в Бирме.

— Что слышал об этом?

— Что слышал об этом? Тут бои шли несколько месяцев. Тут было временами больше мертвых, чем живых. Все стреляли во всех. Служащие-мусульмане стреляли в служащих-индусов и убивали, чем могли. Сикхи дрались с мусульманами, солдаты-белуджи с солдатами-дограми. Дома разрушали до основания. Семьи вырезали до последнего человека. Трупы бросали в реку. Кто пережил все, тот никогда не забудет этого!

— Ты сказал по-солдатски: хорошо, коротко.— Фуст набил новую трубку.

— Не знаю, я сказал, как мог,— ответил Умар-Али.

— Поедем дальше...

Фуст сидел, глядя вперед невидящими глазами, как человек, который видел много самых разных вещей, и устал задерживать все это в памяти, и не хочет думать о них. Пусть они скользят так же, как скользило его отражение на зеркальном полу преддверия царской гробницы.

Он велел остановить машину и вышел с фотоаппаратом, когда увидел, как около кустов на газоне человек, корчась, словно от боли укладывается на траву и все не может улечься как следует.

Это, конечно, был умирающий с голоду, на них он вдоволь нагляделся. Но Фусту захо-

телось размять ноги. Сфотографировать заодно умирающего, такого необычно бодрого,— значит получить хорошее фото для географического еженедельника. Там ужасно любят такие снимки.

Но когда он подошел близко к барахтавшемуся на земле человеку и хотел его снять, тот приподнялся и сказал хрипло, но понятно, на очень плохом английском языке:

— Дайте денег. Дайте бакшиш.

— Ты умираешь? — спросил Фуст.

— Я? — сказал этот человек, почти голый и ужасной худобы.— Я нет, я хочу просто спать. А смерть, конечно, придет за мной. А если вам нужно, чтобы умирали, там недалеко я видел женщину. Она умирает, по-моему, с тоски. А меня снимать еще рано как умирающего. Я просто не могу найти место, чтобы прилечь поспать. И земля стала какая-то вся буграми, как жизнь... Да, а женщина рядом, за углом...

Фуст бросил ему монету и велел Умар-Али повернуть за угол.

За углом сидела на старом мешке женщина в таком ветхом сари, что было непонятно, как оно держится на ее плечах. Правда, местами оно лопнуло, и сквозь дыры виднелись выпирающие из кожи кости. У ног ее стояла деревянная чашка, как у буддийского монаха, и в чашке были какие-то камешки, несколько штук. На коленях у нее спал совсем маленький мальчик, уткнув свою голову в ее потерявшее цвет одеяние.

Когда Фуст подошел к ней, она сделала движение, как бы защищая мальчика, взглянула на Фуста взглядом такого бездонного спокойствия, что он хотел что-то сказать, но раздумал и пошел к машине.

Она, продолжая закрывать мальчика рукой, говорила вслед Фусту:

— Не буди его, не буди его. Он не должен видеть этого! Он не должен видеть... И я прошу вас, оставьте ему эти камешки, он в них играет. Прошу вас...

— Я знаю эту женщину,— сказал Умар-Али.— У нее в резне убили мать, мужа, сына и жену сына — всех. Она не в своем уме. Это ее внук. Она нищая и сумасшедшая. Много теперь таких. Я даю ей иногда деньги...

Фуст не хотел слышать ничего об этой женщине. Она его не интересовала. Конечно, теперь много таких. И не только в Пакистане. Женщина сидела неподвижно, и каждая машина обдавала ее облаком желтой горячей пыли.

Буйволы тянули повозки. Они не задумывались, куда и зачем везут свой тяжелый груз. Бежал в повязке с зелеными полосами рикша. Пот не струился по его лицу, но оно было такое сморщенное и желтое, такое измученное, точно он бежал по осколкам стекла и они впивались ему в ноги. Девушка, сидевшая в его коляске, немедленно закрыла лицо рукой и отвернулась, поймав взгляд Фуста. Рикша, повидимому, бежал давно. Он раскачивался из последних сил.

Фуст снял их все же с ходу.

Фуст снял еще уличную сценку, почти идиллическую. У большого фикусового дерева сидела женщина с лотком, на котором были букетики цветов — бледножелтых и лимонно-розовых мелких роз, которые берут для торжественных гирлянд. А рядом был аккуратно развернут на земле большой цветной платок, и на нем, как на сцене, расположился уличный парикмахер. Загорелый дочерна, так что его лоб блестел ярче медной начищенной чашки, стоявшей на краю платка, он брил своего клиента с ловкостью настоящего мастера, которого дело боится. Отдавшись в руки этого искусника, его клиент сидел совершенно неподвижно и только косил глазом в зеркало в толстой рамке, которое он держал в своей правой руке, удобно упираясь локтем в поджатую правую ногу.

На ковре было такое множество чашечек, блюдечек, коробочек, ножниц, ножичков, тряпочек и еще какого-то барахла, что определить назначение этих вещей было невозможно. Парикмахер работал с сосредоточенным лицом, как будто вырезал на жесткой коже своего клиента замысловатую татуировку.

За его движениями с удовольствием наблюдала, повидимому, жена брившегося человека, которая, закрыв от жара голову платком, сидела, как пригвожденная, и только иногда облизывала языком сухие губы.

Рядом с ней сидел маленький мальчик, как будто сторожа брошенные старые туфли своего папаши. Он сидел, как маленький человечек, думающий о том, зачем нужно брить человека и почему он видел людей с такими большими бородами, что вот их-то и надо поубавить, а они, наоборот, бежали от парикмахера и не хотели даже подстригать бороды. Но это были сикхи. «Их всех убили,— сказал папаша,— или они убежали. Не ищи, мальчик, таких бород в Лахоре, они все в Амритсаре».

Прошли какие-то демонстранты, было их человек тридцать. Несли они национальный бело-зеленый флаг с белым полумесяцем и два плаката. На красном поле этих плакатов написано было белыми буквами, что они требуют повышения зарплаты. Это были служащие одной гостиницы. Они ходили к министру под окно и теперь идут домой. Демонстранты расходятся, будут ждать, что будет.

Фуст увидел и своего соперника. Уличный фотограф повесил на решетку входной двери в сад черное сукно и усаживал по очереди перед ним женщину за женщиной. Те, которые не снимались, смеялись над теми, кто сидит у входной двери, и подшучивали. И все стали хохотать, и сам фотограф тоже, когда Фуст снял всю эту сценку.

Мальчики пускали воздушного змея. Две красотки стояли и смотрели, как змей шел косо, потом выправился и начал резвиться в небе. Фуст вышел из машины и снял их. Они улыбнулись, и он их поблагодарил. Они смутились, но он сказал, что снял их для американского журнала и теперь их увидят миллионы людей всего света.

Он спросил, как их зовут. Одна сказала: «Селима». А другая засмеялась и ничего не сказала. Тогда Селима шепнула: «Ее зовут Мумтаз».

На улицах было так много народу, что снять всех не мог бы никакой фотограф. И все эти люди, одетые в лохмотья самых бедных оборванцев и в длинные рубахи и штаны ремесленников и рабочих, в разнообразные формы почтальонов, кондукторов городских автобусов, сторожей, рассыльных, боев, одетые в сюртуки и белые панталоны, в европеизированные костюмы, владельцы контор, магазинов, агенты-комиссионеры и заехавшие в город богатые землевладельцы, туристы и люди свободных профессий, врачи и инженеры, студенты и профессора имели каждый свою судьбу и свое место, и их жизнь ждала своего биографа, потому что все они жили и хотели лучшей жизни, боролись, страдали и погибали на улицах этого прекрасного города так же, как во всех городах мира, с которыми их связывали общие пути развития человечества.

То, что думал сейчас Фуст, глядя на суету базара, на уличного сапожника, на стоящего рядом с ним верблюда, косившего лиловый глаз, на машину последней американской марки, — вся эта цепь жизней была жизнью вообще. Это был вообще город неизвестного народа, неизвестного века.

Молодость, которую зовут Мумтаз, зовут, как, может быть, и ту, что лежит в гробнице рядом с гробницей Джахангира. Это неважно, что ту, лежащую в могиле, звали Нурджихан, это случайность. И старость, что сидит там на перекрестке со спящим мальчиком,— разве это не вечная печаль старости, перешедшей через страдания и желающей охранить от ужасов безрадостное детство своего внучонка?

И развалины убитых кварталов — это картины прошлого, настоящего и будущего.

Весь этот широко раскинувшийся город не есть ли новый Мохенджо-Даро нашего времени, который через пять тысяч лет раскопают, как раскопали тот, что в осколках можно видеть в музее, где полупустые шкафы и ворчливый фанатичный человек с палкой красного дерева.

Эта мысль тоже позабавила Фуста, но тут же он услышал незнакомый шум, который из всех шумов улицы выделялся какими-то новыми оттенками голосов. Какой путешественник не обязан наблюдать жизнь народов, да еще если он сотрудник известного географического журнала? И Фуст велел шоферу ехать на этот новый шум.

До сих пор Фуст осматривал город, он делал все, что полагается путешественнику, туристу Востока, пишущему об этом в географические журналы и снимающему все своим аппаратом. Ничего неестественного не было в его любопытстве, проявленном даже по отношению к самым мелким явлениям уличной жизни.

Его интересовали люди и дома, памятники старины, животные и деревья. Он фотографировал нищего и красивых девушек. Но какая-то забота лежала на его выразительном, загорелом, энергичном лице, что тоже придавало ему вид мужественного исследователя, видавшего виды и перенесшего все неприятности климата, слишком знойного для европейцев и американцев.

До сих пор все было ясно, но эти люди шумели как-то особо. Их было много; они что-то иногда кричали. Он велел Умар-Али остановить машину, вышел из нее и пошел к людям. Это были группы. Среди них стояли и остановившиеся велосипедисты, тут были и девушки, и старухи, и дети. Он увидел мальчика с книжками подмышкой, который нырял в толпе, как будто играл в какую-то игру или отыскивал кого-то.

Белые листки бумаги передавались в группах, и чаще всего этот листок держали девушка или юноша. Они что-то говорили окружающим, и те брали листки и карандаши, или вынимали вечные перья, у кого они были, или брали у девушек, раздававших листки, и все это было как-то по-деловому и совершенно необычно для этой улицы, которая никогда не видела ничего подобного.

Подписывался под листком человек в одежде крестьянина. Пришел ли он на базар, или по делу, связанному с землей, или в больницу навестить кого-нибудь? Это был человек земли, и его куртка и широкие брюки из белой материи выдавали его с головой. Дружеский смех сопровождал его ответ, повидимому, острый, как бетель, который, как известно, приготовляется из листьев индийского перца.

К удивлению Фуста, к девушке подошел офицер, спросил, повидимому, в чем дело, и, вынув из бокового нагрудного кармана своего френча вечное перо, расписался так же, как крестьянин. И девушка тоже улыбнулась ему.

Молодой человек подошел к девушке и взял листок. Он все делал как-то размашисто и сам был подвижной, высокий и такой крепкий и веселый, что девушка с удовольствием и любопытством смотрела на него, пока он ставил подпись.

Она взглянула на листок, когда он вернул ей его, и сказала:

— Но может быть, вы поставите свой адрес...

Юноша взглянул на нее и засмеялся таким хорошим смехом, что девушка смутилась.

— Мой адрес? Я всюду, я нигде, я миллионы,— сказал он.

Тут засмеялись девушка и окружающие.

— А можно сказать точнее?..

— Можно. Если сказать точнее, то я — песня.

— А чья песня?..

— Я пишу стихи и рад, когда народ поет их иногда. Мое имя Фазлур. Вот моя подпись.

— О! — сказала девушка.— Вы Фазлур? Мне о вас рассказывала одна наша общая знакомая...

— Возможно,— сказал он.— Кто она?

— Вы должны ее знать, я не ошибаюсь, ее зовут Нигяр. Нигяр-бану.

— Как, вы ее знаете? Так я прошу вас, если увидите ее, передайте мой привет.

Тут подошел человек без ноги и с палкой.

— Люди,— сказал он,— где здесь можно расписаться против войны и атомной бомбы?

— Кто ты? — спросили из толпы.

— Я бывший солдат. Что я теперь? Я был человеком при двух ногах. Теперь имею одну. Я инвалид. Дайте мне расписаться. Люди говорили, что здесь где-то записывают, кто против войны...

Девушка стала объяснять ему, как надо расписаться.

В соседней группе исполинского вида человек держал, не выпуская, листок, как будто он нашел волшебное средство от какого-то своего несчастья.

— Я бенгалец, братья,— говорил он.— Сколько еще бежать и куда? Я не могу, братья, больше бежать. Пусть кончится война и все войны, чтобы никто никуда не бежал. Не надо больше войны, братья!

— Никто не должен драться ради сагибов! — закричал кто-то в стороне от этой группы.

— Ни за своих сагибов, ни за чужих сагибов! — ответил ему, как эхо, здоровый грузчик, несший большой ящик на спине и спустивший его на мостовую.

Люди подписывали и подписывали листки. Фуст прошел через них, как инородное тело. Как будто бы он был из прозрачной массы — никто не замечал его. И он, правда, не хотел останавливаться. Но понимать, что говорили, он не мог, так как они говорили не по-английски.

Было шумно, оживленно, весело. Как будто всех сблизили эти листки, как будто после подписи давший ее испытывал радость от какого-то приятного известия. А это было всего-навсего собирание подписей под Стокгольмским воззванием. Люди хотели запрещения атомной бомбы не потому, что они хорошо ее представляли, а потому, что они знали: всякая бомба — это война, это кровь близких и своя собственная, гибель всего, что тебе дорого, а если эта бомба атомная, тем хуже.

Бойкая и привыкшая разговаривать на улице торговка зеленью сказала, обращаясь к молодым женщинам, тоном опытного трибуна:

— Женщины! Что вы с вашей молодостью подписываете бумажки? А что сделает эта бумажка? Вы как дети. Разве что-нибудь значит твоя или моя подпись, если эти там, наверху, захотят воевать?

— Нет,— сказала, выступая из толпы, женщина,— нет, сестра, это неверно. Слушай. Я мать. Ты, наверное, тоже мать. Мне только двадцать шесть лет, у меня двое детей. Одна младше другой на четыре дыхания. Я видела в своей деревне, в нашем это было Пенджабе, войну, и кровь, и трупы. И я поняла, что такое ненависть и война. И слушай меня, сестра. Разве наш Инд сразу течет могучей рекой? Нет, он составлен из рек, а реки из ручейков, а ручейки из маленьких капель. Но без этих маленьких капель не было бы великого Инда, орошающего наши земли. Наши подписи — капли, да, пусть капли! Но если в каждой стране их дадут все, кто против войны, то мы получим такую реку нашей силы, что те, кто хотят войны, испугаются шума этой великой реки... Подписывай, сестра. Может, твоя подпись есть капля, которая переполнит речку, и она станет рекой! Я готова собирать эти подписи днем и ночью. После того, что я видела в Пенджабе в дни, когда в людей вдохнули ненависть, я больше не хочу видеть трупы чужих и близких. У меня убили отца и дядю... Подписывай, сестра!.. И будь с тобой божье благословение.

Толпа заслонила от Фуста обеих женщин. Он видел белые листки вокруг себя, и вдруг ему показалось, что среди этих митингующих людей мелькнуло знакомое лицо. Откуда у него здесь, в Лахоре, знакомые лица? Вот девушка с таким лицом, что ее не сразу забудешь, если встретил. Но где же он ее видел раньше? Где?

Девушка в такой бедной одежде, в шальварах, которые куплены в дешевой распродаже, ни одного украшения. Где же он ее видел? Она даже улыбнулась ему. Или это ему показалось? Такой бедной девушки он не знал здесь. Какое ему дело до них? Почему-то это лицо соединялось с другой одеждой, с другим совершенно окружением, с обстоятельствами, ничего общего не имеющими с этой уличной сценой.

Неужели он видит ту девушку, что является племянницей Аюба Хуссейна? Но та пришла вся разряженная, как молодая жена раджи. Как? Та девушка и эта — одно?! Нет, это ошибка, ошибка простительная, потому что здесь, в Лахоре, красивые лица схожи. Нет, он ошибся. Что, что, а в этом обществе грани так резки, что дочь богача не встретишь на улице одетой, как простая работница. А то, что она ему улыбнулась?.. Ну, так что! Все девушки одинаковы — в любой стране одно и то же.

Но он уже понял, что происходит сбор подписей в пользу мира. Вот и пресловутый голубь. Все ясно. Он вышел из сборища и пошел к машине. И здесь опять встретился этот несносный мальчишка с книгами, похожий на воробьеныша, который нахохлился и распустил все крылышки, подражая взрослым воробьям. Он хочет что-то сказать, послушаем, что он скажет. О, мальчик говорит по-английски! Что же он говорит?

— Ну, подумайте только, мне не дали расписаться. Говорят, что я еще мал. Разве же это справедливо? Вы хоть и англичанин, сагиб, но скажите, что это несправедливо — так обижать маленьких, если мы за мир, против войны, не правда ли? Вы согласны, что это несправедливо? Вы молчите!

Другой мальчик, выступивший из-за его спины, сказал:

— Азлам, а что, если ты ищешь справедливости у поджигателя войны? Вот это здорово!

Фуст ничего не сказал в ответ. Он сел в машину и велел ехать домой. Через полчаса он уже был в отеле.

(Продолжение следует).

Эфир без рубежей

Галина ШЕРГОВА

В эфире начались непостижимые чудеса. Разумеется, представители науки сразу постарались их объяснить. Однако научные домыслы пока оставались всего-навсего домыслами, а чудеса — чудесами.

Дело обстояло так.

В один из самых обычных вечеров голландец Сайдерс, покончив с вечерним чаем, уселся в кресло и включил телевизор. В этом еще не было ничего необыкновенного, так как вечера у телевизора были для Сайдерса занятием хоть и любимым, но вполне ординарным. Но уже через четверть часа голландец начал обмениваться с домашними недоуменными взглядами: на экране появился... московский диктор. И это уже было чудом. Сайдерс знал, что многие европейские телецентры, связанные ретрансляционными линиями с соседними государствами, принимают программы друг у друга. Но как случилось, что без специальной установки, через тысячи километров, изображение из Москвы забрело на экран телевизора в Амстердам — это оставалось загадкой. Дело в том, что характер распространения ультракоротких волн, с помощью которых ведутся телепередачи, не позволяет даже при очень высоких мачтах-антеннах расширить радиус гарантированного приема более чем на 100—150 километров. Но Москва — Амстердам?!

Утром взволнованный Сайдерс решил поделиться новостью с соседями. Зная, что ему все равно никто не поверит, Сайдерс предусмотрительно сфотографировал экран. Но голландцу не удалось ни поразить воображение друзей, ни даже вызвать недоверия: их телевизоры тоже принимали Советский Союз.

Тогда Сайдерс написал об этом в Москву.

Письмо это не было единственным, сообщающим о загадках в эфире. Подобные письма приходили из Праги и из Австрии. Читая их, нельзя было не ощутить тайную зависть: ведь авторам писем довелось присутствовать при чуде, не до конца объясненном наукой. А в наш искушенный век это не такое уж заурядное занятие.

И мне тоже захотелось чуда. И оно, кажется, свершилось.

...Вечерами включается телевизор, и из хаоса нитей и точек, мечущихся на экране, возникает жизнь дальних стран. Мы присутствуем на шекспировском фестивале на родине драматурга в Стратфорде, отмечаем юбилей первого перелета через Ла-Манш, видим пятерых близнецов, родившихся в Южной Родезии, на наших глазах в японский порт Майдзуру прибывают корабли, полученные в годы войны Советским Союзом по ленд-лизу и ныне возвращаемые Соединенным Штатам.

Мы принимаем Нью-Йорк? Можно представить, что это так, хотя на самом-то деле это просто киносюжеты американской компании «Теленьюз».

Но путешествия в вихревом мире электронов, замкнутых в лакированный ящик телевизора, легко относят нас к подмосткам театра, где лондонские актеры живут нетленной любовью Ромео и Джульетты, на английском киноэкспрессе проделываем путь Лондон — Брайтон за 4 минуты и волнуемся, следя за матчем английских и советских боксеров.

Программы Пражского телецентра мы уже воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Здесь и концерты кукол Скупы, и хроника чешской спартакиады...

И, сидя перед телевизором, я представляю, как в гигантском черном мешке ночного эфира, набитом ветрами, звуками, рассекаемом падающими звездами, движутся ко мне над океанами и кручами неодолимые и стремительные волны дальних телепередач.

Да, хотелось так думать, хотя всем, кто видел эти передачи, отлично известно, что они транслировались с пленки. И работники центральной студии телевидения могут рассказать, как все это происходило. Они скажут:

— Все перечисленные программы действительно передавались по московскому телевидению, а многие — и в других городах Советского Союза. Это кинопленки, присылаемые нам компаниями «Теленьюз», Британской радиовещательной корпорацией (Би-Би-Си), телецентрами Чехословакии, ГДР, Польши. — Потом телеработники начнут листать содержимое толстых папок: — У нас существует систематический обмен программами с этими студиями. Вот смотрите: мы послали в Прагу более ста хроникальных сюжетов и концертных номеров, снятых нашей студией. Вот 60 советских концертных номеров, которые видели телезрители Германии. А вот письмо в Лондон, почитайте. Мы отправляем туда телефильмы «Анна Каренина» (МХАТ), «Много шуму из ничего» (Театр имени Вахтангова), чеховские телепостановки «Жилец» и «Хористка». Сами кинопленки, присланные нам, могут рассказать, как рождался этот обмен. Пройдемте в просмотровый зал.

И когда озаряется экран кинозала, мы видим телевизионную кинохронику о пребывании в Англии делегации советских работников радио и телевидения, которые, ознакомившись с опытом работы английского телевидения, договорились о систематическом обмене пленками. А потом мы можем увидеть фильм, который демонстрировался в один и тот же день советским и английским телезрителям: «Глазами англичан» — о пребывании в СССР английских музыкальных деятелей. Делегацию возглавлял музыкальный директор Би-Би-Си мистер Коннет Райт. Фильм был снят по его просьбе, и он сам с экрана комментировал происходящие в фильме события. И хотя мистер Райт шутил, что «это его последний шанс стать кинозвездой», руководило им желание открыть своим соотечественникам существо жизни советского народа. Это желание ближе узнать друг друга лежит в основе развернувшегося в последнее время телеобмена с разными странами.

...Сверхдальние приемы не вымысел. Просто мы заглядываем в завтра. Ведь уже в шестой пятилетке 10 тысяч километров радиорелейных линий свяжут не только города страны, но и протянутся между Москвой и столицами стран народной демократии. А возможно — и столицами других государств. Будет создано 150—180 ретрансляционных установок, и программы Праги или Варшавы станут достоянием дальнего сибирского села.

Одна лишь оговорка. Когда ждешь чуда, мало делаешь для достижения цели обычным путем. Похоже, что чуда ждут и работники радиотехнической промышленности. Что говорить о приемах через океан, когда еще плохо налажен простой обмен программами! Разве он мыслим без телекорреспондентов, разъезжающих по стране? Без достаточного числа передвижек, передающих все интересные происшествия с места событий, когда в студии можно в тот же момент вести киносъемки? Без мощного комбината, самостоятельно выпускающего телефильмы?

А у советского телевидения еще нет возможности использовать узкопленочные съемки, хотя они самые оперативные. Нет пока аппаратуры для съемок с экрана во время передач. Промышленность выпускает по одной передвижке в несколько лет, и они устаревают раньше, чем поступают в эксплуатацию.

...Писателям прошлых веков и даже прошлых десятилетий было легко придумывать невероятное. Вот пригрезился Одоевскому городок в табакерке, он населил его маленькими человечками, наполнил перезвоном колокольчиков — и люди пораженно внимали сказке. А нынче? Лежат на столе работника Московского радио пять плоских оранжевых коробок, в каждой из которых заключено по стране. В коробках бушуют страсти, гремят оркестры, теснятся улицы и площади, живет теплое человеческое дыхание — и это никого не поражает. И единственным заблуждением, в которое впадает современный радиослушатель, может быть то, что после слов московского диктора «Включаем Прагу» или «Слушайте передачу из Пекина» советский радиослушатель слышит не Чехословакию или Китай, а Москву, где в студии крутится пленка, прибывшая из другой страны.

Это перемещение стран в эфире, обмен записями, текстами и целыми передачами уже вошло в быт Советского Союза и стран народной демократии. И география обмена все ширится.

Вот работник советского радио вынимает из шкафа папку, на которой выведен адрес: «Лондон. Би-Би-Си».

Что это? Это тоже жизнь нашей

Египетские кинодеятели посетили Московскую центральную студию телевидения. На снимке: киноактриса Фатин Хамама.

По телевидению передавался чехословацкий фильм «Кукольный концерт».

страны — тексты советских радиопередач. Они отправляются в Англию. Возможно, они зазвучат в Уэльсе или в Шотландии. Возможно, о путешествии этой папки через моря расскажут работники Би-Би-Си на международной конференции ЮНЕСКО, посвященной обмену опытом культурно-просветительных радиопрограмм.

Конференция откроется 29 мая в Париже. К этому времени из Москвы в столицу Франции, домой, уже вернется Раймон Тевнэн, и ему тоже будет о чем рассказать.

Господин Раймон Тевнэн — директор службы информации французского радио. Информация, честная и точная информация о жизни народов, по убеждению господина Тевнэна,— самый верный путь к сближению. Поэтому в первый же день своего приезда в Москву Раймон Тевнэн сказал:

— Французам надоела тенденциозная пропаганда о Советском Союзе. Они хотят знать правду — для этого меня и прислали сюда.

И тут же с профессиональной увлеченностью он стал говорить о том, как хорошо было бы увидеть по телевидению или услышать по радио живой репортаж о буднях маленького городка Сибири или Прованса. Было бы отлично, если бы в программе «Трибуна Парижа», которая связывает общественных деятелей всего мира, созывая их в эфире на обсуждение важнейших проблем современности, зазвучал и голос Москвы.

Недавно состоялось своеобразное совещание работников советского и польского радио. Говорили не только люди. Говорили пленки. В Москве воскресла дискуссия, проходившая в Варшавской студии, и москвичи вместе с поляками улыбались несостоятельным аргументам одного из католических деятелей, защищавшего консервативные догмы жизни общества. А поляки с не меньшим интересом проделали радиопутешествие из Ленинграда в Одессу вместе со слепой девушкой, едущей на операцию к В. П. Филатову.

...Стираются незримые рубежи в эфире. Их уничтожают, затаптывают толпы голосов, несущихся над землей.

Минуя рубежи, звучат голоса шести столиц, в которых одновременно идет премьера фильма «Если бы парни всего мира...».

— Говорит Осло. Париж, ты слышишь меня? Мы полны чувств человеческой солидарности, о которых рассказал фильм. Ты слышишь, Париж?

— Говорит Москва! Париж, ты слышишь меня?

Париж слышит. Он отвечает бурей аплодисментов при имени «Москва», бурей, какой не вызывало ни одно название столицы, говорившей до нее.

Через рубежи переступают голоса мэров Лондона и Москвы. В Московской студии председатель исполкома Моссовета Н. И. Бобровников читает текст приветствия, и мир, настроившись на волну беседы, слышит, как глава английского городского управления добродушно говорит: «Я надеюсь, что мы с вами, уважаемый сэр, еще покатаемся по Москве-реке и споем песни о Темзе». А потом по-русски: «Ваше здоровье!»

— Ваше здоровье, друзья в эфире! — говорит мир.

Письмо полковнику Петрову

9 мая Чехословакия празднует одиннадцатую годовщину освобождения от фашистской оккупации. Жители чехословацких городов и сел, подводя итоги творческого труда на свободной земле, вновь и вновь поминают добрым словом тех, кто помог их освобождению.

Ниже мы публикуем открытое письмо чешского журналиста офицеру Советской Армии, участнику боев за освобождение первого города на чешской земле.

Припоминаете, товарищ полковник?

С чувством торжества направили Вы тогда свой бинокль на Годонин, подернутый пеленой дыма.

Неужели прошло уже одиннадцать лет? Первый город на территории Чехии и Моравии, куда идет свобода...

В блиндаж влетел связной и оборвал вашу минутную задумчивость, так мало вязавшуюся с шумной фронтовой обстановкой.

Енка Чехова у пульта управления.

Все штабные офицеры были в сборе.

Вы рассказали им о расположении неприятеля, обождали, пока они нанесут данные на свои карты, а потом объявили:

— Приказываю взять город Годонин с севера подразделениям капитана Быкова, с юга — подразделению старшего лейтенанта Соколова! Артиллеристам майора Костылева сосредоточить артиллерийский огонь на северо-восток от города, на лесок Очов. Как только Быков достигнет окраины города, включатся главные силы и наступит удобный момент к наступлению на южном направлении.

...Вы помните, товарищ полковник, как прорвались в город ваши солдаты под командованием старшего лейтенанта Соколова? Их путь к первым домам лежал через опустошенное поле; шаг за шагом пробирались они мимо полуразрушенных построек помещичьего владения, возведенных еще во времена Марии Терезии. Мне хотелось бы, товарищ полковник, чтоб Вы взглянули на это поле сегодня! Поле! Там, где наступала ваша пехота, выросли сорокаметровые белые стены, а коричневая труба вознеслась на стометровую вышину. Там, куда многие годы лишь выбрасывал отходы близлежащий сахарный завод, ныне высится огромная электростанция, одна из современнейших в Центральной Европе. Это гордость края. Ее увидишь и со Словацких гор и с холмов над Бзенцем, покрытых виноградниками, ее разглядишь и ночью, узнаешь по рубиновым звездам, горящим на трубах.

Угольная пыль, южноморавский бурый уголь — вот что дает здесь сегодня электроэнергию.

Как беспрекословно послушна эта могучая электростанция! На пульте управления товарищ Индруг или товарищ Чехова повернут ручку — и поток энергии уменьшит или увеличит свою силу в зависимости от приказа, переданного чутким механизмом.

Работа идет точно и размеренно. Годонинская электростанция может давать столько энергии, сколько нужно, чтоб зажечь 3 миллиона сорокаваттных лампочек, зажечь 40 тысяч электроплит или привести в действие 200 тысяч холодильников. А это что-нибудь да значит!

Пустынное поле, где теперь расположена электростанция, недолго отдыхало от строительного шума. После бульдозеров снова ворчат здесь бетономешалки, и монтажники сосредоточенно собирают свои конструкции.

Пристраивается новая, вторая часть электростанции, так сказать, ее младшая сестра, которая будет работать совместно со старшей.

Уже этой осенью будут пущены в ход новые агрегаты — тогда количество вырабатываемой электроэнергии увеличится в полтора раза, и Годонинская электростанция станет не только одной из наилучших по оборудованию в Центральной Европе, но и одной из наиболее мощных.

...Припоминаете, товарищ полковник?

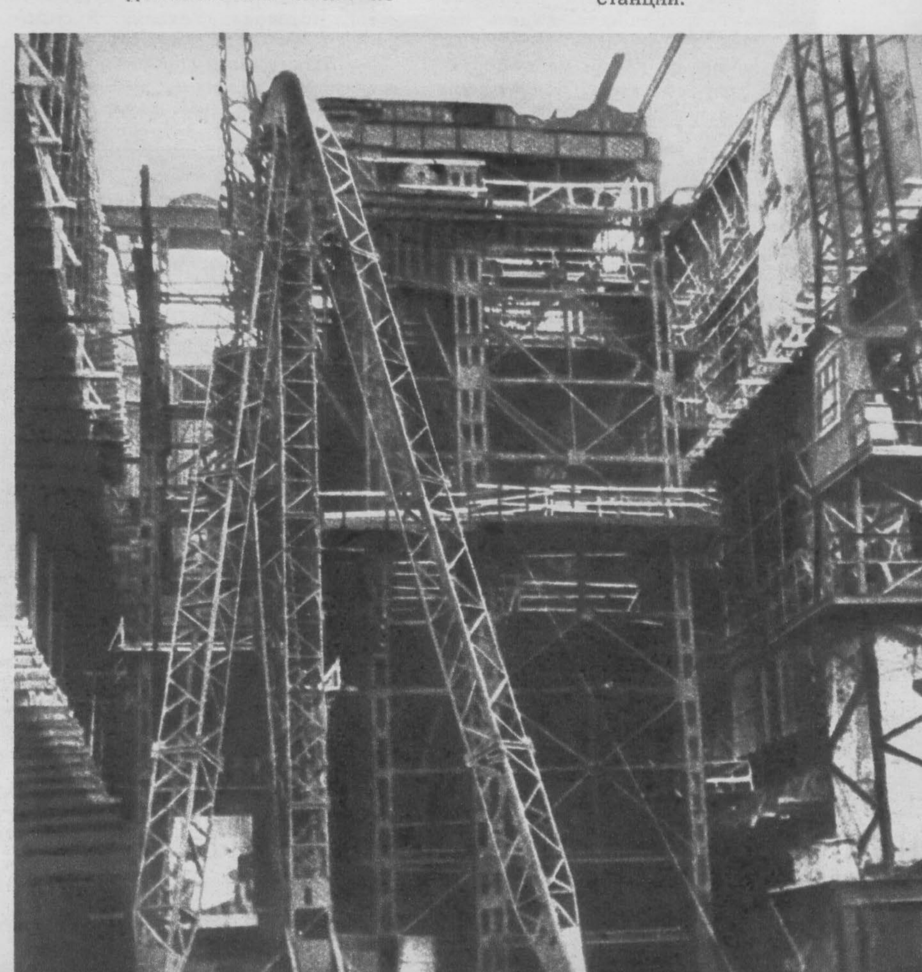
С чувством торжества направили Вы в тот день свой бинокль на Годонин, подернутый пеленой дыма.

Неужели прошло уже одиннадцать лет? Первый город на территории Чехии и Моравии, куда пришла свобода...

Вы не узнали бы сегодня тех мест, товарищ полковник, где пролилась кровь ваших воинов.

Душан ГАМШИК

Вырастают новые цехи электростанции.

ИЗ МАСТЕРСКИХ — В ЖИЗНЬ

Б. В. ИОГАНСОН,
народный художник СССР

Все мы в своей жизни немало наблюдали и наблюдаем проявления души, характера человека, природу и ее различные состояния в разные времена года и многое, многое другое. Художник, писатель в силу своей профессии ярче и острее схватывают увиденное и дольше сохраняют в своей памяти пережитое. Но если даже зритель или читатель не задается специальной целью запомнить увиденное и пережитое, оно все равно оставляет след в сознании. Эта общность восприятия, накопленных впечатлений, общность чувств и позволяют читателям и зрителям быть судьями творчества, судьями того, насколько правдиво художник отразил жизнь. И только тогда, когда зритель находит в художественном произведении свои мысли и чувства, — только тогда искусство становится подлинно народным.

Советский зритель не раз давал почувствовать, что он уходит с наших выставок неудовлетворенным. Он делится с нами, профессионалами-художниками, своими мыслями в печати, с трибуны, в личных беседах. Рассказывает о том, чего ожидал, что хотел увидеть и что видит на самом деле. Он говорит: странно как-то в наше время, когда вся страна с таким воодушевлением строит свое социалистическое государство, вы, художники, так скупо отвечаете желанию трудящихся видеть отраженной в искусстве сегодняшнюю жизнь со всеми ее радостями и трудностями, показанную правдиво и выразительно.

И с этим упреком нельзя не согласиться. Действительно, на многочисленных выставках последних лет появилось всего лишь несколько картин, волнующих, будоражащих душу, затрагивающих живые темы современности. А часто бывает и так, что художник искренно хочет в своем произведении рассказать о сегодняшней действительности, но выбирает настолько незначительную тему, что в ней и раскрыть ничего нельзя и мысли никакой нет.

Да и создана ли за пять пятилеток грандиозного нашего строительства такая картина, посвященная труду советских людей, в которой зритель увидел бы и размах строительства и героев нашего времени, увидел бы их и посчитал своими друзьями? А разве наши строители не достойны такой картины?

Эти вопросы задал мне случайный мой собеседник на одной из выставок. Он сказал:

— Есть здесь полотна, изображающие заводские цехи, домны, эффектную плавку стали. Какое-то место иногда занимают в этих композициях и люди. Но как все это неинтересно! Разве не должен художник и видеть как-то значительнее и подать увиденное зрителю взволнованно, с пафосом? Увидеть большую красоту в человеческом труде и показать ее — разве это не прямой долг художника?!

И с этим я должен был согласиться. Истинный художник должен уметь увидеть наиболее важное в жизни, уметь обобщить увиденное и изобразить это не фотографически и бездушно. Он должен найти форму, соответствующую его творческим замыслам, соответствующую большому, продуманному и прочувствованному художником содержанию произведения.

На днях я снова встретил своего словоохотливого знакомого, и он снова поделился со мной впечатлениями о последних выставках — произведениях молодых художников и работах дипломников художественных вузов.

— Талантливая растет у нас молодежь, — сказал он. — С интересом переходишь от одной работы к другой. Только, странное дело, когда смотришь, то нравится. А когда потом задумаешься, что же ты видел значительного, не многое вспоминается.

Больше всего моему знакомому понравилась картина художника Г. Коржева «Уехали». Я спросил, почему. Он ответил:

— Есть здесь глубокая мысль, видно, что художник умный. Сюжет прост: поздний вечер, за окном — огни строительства. На кровати сидит человек и держит в руках желтого утенка. Ушла жена с ребенком. Не выдержала сурового испытания жизни, или, может быть, герой картины совершил какую-то ошибку. Мы видим, что ему тоскливо и больно. Картина заставляет думать, трогает душу. Есть у этого же автора на выставке и другое полотно — «Осень», тоже о жизненной драме. Второе произведение Коржева мне меньше понравилось. Помните: молодой человек сидит в кресле и рядом плачущая женщина, которая, видимо, собрала вещи и вот-вот должна уйти? Что выражает взгляд юноши? Кто из них виноват? В каких они находятся взаимоотношениях? Непонятно. Да и написана она неприятными, темными красками.

Дальше зашел разговор о любви. На обеих выставках были полотна, посвященные этой теме. Естественно, что молодые художники тянутся к таким сюжетам — источнику поэзии, музыки.

И вот мой спутник говорит:

— Кто из нас в молодые годы не влюблялся? И каким ореолом красоты был овеян образ любимой девушки в нашем воображении! Возможно, что она и не была так хороша, какой представлялась нам, но в нашем-то воображении она жила сказочной царевной. Как же молодые художники рассказали об этом чувстве? Вот, например, одна из картин. Действие происходит около проруби. Девушка пришла за водой, тут же и влюбленный юноша. Но неужели художник не понимает, что в такую серенькую на вид, не представляющую никакого интереса девицу, какую он написал, нельзя влюбиться? Она не вызывает ни малейшей симпатии у зрителя. И потом, почему обязательно надо любовь изображать около колодца, когда признаком затянувшегося объяснения является переполненное ведро с льющейся через край водой? Эта «режиссерская находка» стара, как мир, и ассоциации вызывает «водолейные». Или тоже вошедшие в плохую традицию признаки смущения возлюбленной: она или жует платок или теребит его кончик, а на лице глуповатая улыбка.

...Мы простились. Я остался один и, признаюсь, задумался о том, как умно и верно рядовой советский зритель понимает искусство! Не во всем я согласился с моим собеседником. Нельзя к нашей молодежи, иной раз сразу после окончания института или училища, предъявлять такие требования, как к вполне зрелому художнику. Нельзя и нам по-стариковски брюзжать и говорить вечно одну и ту же фразу: «Вот в наше время...». Ну, а что было в наше время? Скажем, в двадцатые годы... Разве тогда, когда мы сами учились в школе живописи, кто-нибудь писал такие свежие по теме, талантливые дипломные работы? Мазали, что попало, спорили о новом искусстве, горланили и, только когда опомнились и взялись за дело, кое-что вышло.

Это настоящая молодость, когда зудит рука написать мартовский снег с синими тенями, портрет девушки, благоухающие цветы, когда темперамент бьет через край... А мы иногда на молодежь «наседаем» и тем старим ее. Мы часто хватаем за рукав, когда юноша бежит на свидание с любимой, и удивляемся, что он не слушает нас, если в это время мы хотим прочесть ему полезную лекцию.

Бывают и среди молодых старички с нравоучительной моралью. Я вспоминаю виденную на выставке картинку М. Стриженова «Одноклассницы»: две девушки в спортивных костюмах по дороге на каток пришли навестить школьную подругу, повидимому, недавно вышедшую замуж. Она в модном капоте, голова в букольках, на лице явное смущение и недовольство вторжением в ее гнездышко. Молодая женщина не успела спрятать зачитанный роман, в углу патефонные пластинки, журналы мод. И это художник преподносит как грозное обличение мещанства! А, кстати сказать, почему предосудительно женщине иметь журнал мод и патефонные пластинки? Нельзя так мелко, походя, обличать чуждые нашему обществу явления и сводить признаки мещанства к тому, что девушка не ходит на каток, завивается, имеет журнал мод. Непонятно, зачем понадобилось молодому художнику «высиживать» в мастерской подобную никому не нужную картину? Если обличать мещанство, а это явление встречается и среди подрастающего поколения, то надо прежде всего правильно понять его сущность и тогда со всей страстью художника и гражданина обрушиться на него.

Перед глазами художников широко раскинулся целый мир, в котором свершаются великие дела. Хочется крикнуть во весь голос молодым живописцам и особенно тем, кто занят мелкими, ничего не значащими темками: выходите из мастерских на вольный воздух! Смотрите внимательно, как рождается новое в этой жизни, не бойтесь возможных трудностей!

Я не раз вспоминаю поучительный пример, как нашел замечательную тему для дипломной работы мой ученик художник Л. Кабачек. В то время, как его товарищи мучительно высасывали из пальца темы, у него было несколько замечательных, и одна из них особенно хороша: Сибирь. Раннее предрассветное утро, легкий туман плывет над широкой рекою. Вдалеке огни большого строительства. От берега отчаливает паром, нагруженный оборудованием: тут и грузовики, и проволока, и материалы для стройки. На первом плане стоят, облокотясь на перила, и смотрят на зрителя молодой инженер и девушка. На всем лежит мягкий отсвет раннего утра.

Это не выдумано было художником, а увидено в жизни. Каждые летние каникулы Кабачек уезжал с геологической экспедицией, переживал с нею все трудности и радости. И дипломная работа стала отличным произведением, прославила его. А потом, никуда не выезжая, он написал два «конфликтных» — никчемных и надуманных — полотна. Мало еще было увидено, мало накопил своих жизненных впечатлений, не хватило запасов памяти, размышлений.

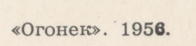
Бригада художников, поехавшая на целинные земли, привезла интереснейшие новые материалы. Я уверен, что они создадут на этой основе хорошие работы, так же как и другие талантливые художники, которые сейчас поедут на новостройки.

Стряхнуть с себя пыль мастерских, прильнуть к живому источнику жизни — в этом главное. Активное участие в самой жизни — оно и только оно даст понимание, знание людей, и только так, только обладая знанием жизни, можно создать истинное произведение искусства.

А. А. Янин.

АРЕСТ
Я. М. СВЕРДЛОВА.

Выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР, выпуск 1955 года.

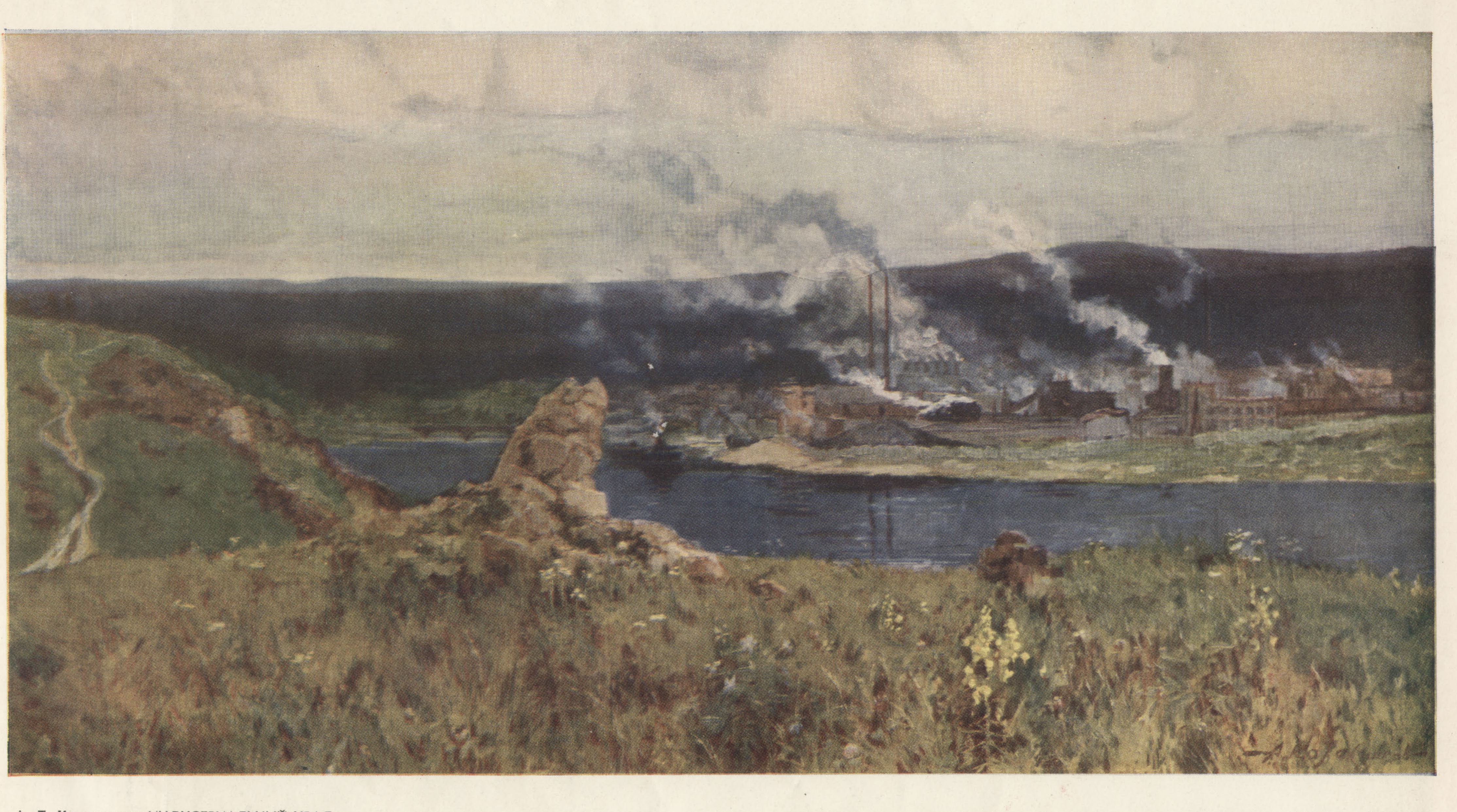

А. П. Луценко.

ПЕРВЕНЕЦ
У НОВОСЕЛОВ.

Выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР, выпуск 1955 года.

А. Д. Колесников. ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УРАЛ.

Вторая выставка произведений молодых художников Москвы и Московской области.

Н. К. Корниенко.

В БАЛЕТНОМ КЛАССЕ ДОМА КУЛЬТУРЫ.

Вторая выставка произведений молодых художников Москвы и Московской области.

В РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ

Евг. ПОПОВКИН

Рисунки Г. В. КАЛИНОВСКОГО.

Василий Иванович Сергеев не выносил, чтобы у двери его кабинета, даже во время заседаний бюро, подолгу сидели люди.

— По себе знаю, каково торчать у начальства в приемной, — говорил он. — Прокиснешь перед закрытой дверью эдак с полдня — пропадет всякий интерес к разговору...

Председатель райисполкома, дальний потомок запорожских казаков, Белогуренко, с которым Сергеев завел об этом речь, уклончиво ответил:

— Бывает, такой словоохотливый посетитель наведается, не заметишь, как он, бисов сын, час — два времени у тебя отхватит.— Вздохнул и усмехнулся.— Да и не байками ж в кабинете занимаешься...

— Бывает, что байками,— сказал Сергеев без улыбки.— Бывает, бывает, Андрей Андреевич, поверь!.. Переливают из пустого в порожнее... Анекдоты рассказывают. А секретарша: «Совещание, мол, идет. Ждите!..»

Помощница Сергеева, Лариса Привалова (в райкоме ее звали Ларочкой), завела порядок, по которому всем, кто приглашался в райком, сообщались часы и минуты, когда надобно придти.

Бантыш, вызванный на заседание бюро, явился намного раньше указанного ему срока. Сняв и небрежно повесив поверх других пальто и плащей макинтош и шляпу, он с такой же небрежностью прошелся расческой по своей шевелюре.

Привалова — кареглазая, со смолисто-черными кудряшками девушка — сидела за столом в расстегнутом темнокрасном жакетике, из-под которого белела вышитая гуцульская блузка, и заклеивала пакеты.

— Очередной залп директив? — ухмыльнулся Бантыш, кивнув на кучу бумаг.

— Вас, Дмитрий Антонович, кажется, на девять приглашали? — неприязненно проговорила девушка. Маленькие смуглые пальцы ее продолжали перебирать конверты еще проворнее.

Бантыш уселся на стул верхом, оперся подбородком о его спинку и с улыбкой проговорил:

— Упустить возможность побыть лишнюю минутку в обществе такой приятной собеседницы?! — Он повертел в руках пресс-папье, испачканное чернилами. — Надо бы кое-где изъять пишущие машинки... Без них много бумажек не нащелкаешь.

Лариса нахмурила тоненькие черные брови и, не поднимая головы, сказала, чуть покраснев:

— Другой на вашем месте постеснялся бы критику наводить.

— Так то другой! — Бантыш благодушно сощурился. — Почему же это я не имею права критиковать?

— Не мне об этом говорить, не вам слушать.

Бантыш досадливо вздернул бровь:

— Потому что мне собираются взбучку дать? Так, что ли, Ларочка? Что, будут сейчас распекать? Как провинившегося школьника?

Привалова промолчала. Она дружила с женой Дмитрия Антоновича, почти каждый день бывала у нее и знала, какие страдания причиняет подруге ее муж; уже второй раз его поведение обсуждает райком. И то, что сам Бантыш относился ко всему этому с подчеркнутым пренебрежением, возмущало Ларочку.

— Я как-то слышал в Абхазии любопытное изречение, — прервал молчание Бантыш, снова улыбнувшись: — «Путник, будь осторожен! Ты здесь, как слеза на реснице»... Так предупреждают там на высокогорных дорогах.

— К чему это вдруг вспомнили? — сухо проронила девушка.

— Не дошло?.. А?..

Бантыш встал, сунув руки в карманы брюк и, чуть слышно посвистывая, зашагал по маленькой приемной. Был он, как и всегда, подтянут, чисто выбрит, в свежеотутюженном сером костюме, но глаза, воспаленные, с желтыми белками, придавали Бантышу нездоровый, усталый вид.

«До чего ж ненадежные они все!» — огорченно подумала Ларочка, исподтишка взглядывая на него.

Когда Бантыш женился, Ларочка, так и не сумевшая устроить к своим двадцати пяти годам семейную жизнь, втайне даже позавидовала подруге. Все в Дмитрии Антоновиче нравилось ей: веселый характер и остроумие, щедрость и решительность. У него было много друзей среди тех, с кем довелось во время оккупации Крыма партизанить в лесу. Они и рассказали, какой храбростью выделялся Бантыш и каким верным товарищем был он для всех.

Теперь Ларочка искренне жалела подругу. Бантыш последний год много пил, проводил время за картами. А его интрижки?.. То с плановиком комбината Любой Мамонтовой, то

Из романа «Таврида».

с парторгом из колхоза «Путь Ильича» Солодкой...

За дверью, обитой коричневой клеенкой, слышались глухие голоса. Бантыш остановился и прислушался:

— Кому там вкалывают?

Ларочка вспыхнула:

— Здесь не поликлиника... где вкалывают.— Она пристально, словно впервые, всмотрелась в лицо Бантыша.

Дерзкие голубовато-серые глаза, мужественные губы, правильных очертаний нос с горбинкой, крутой высокий лоб под жесткой, неподатливой шевелюрой — все это у Дмитрия Антоновича тоже когда-то нравилось Ларочке. Сейчас она испытывала к нему трудно скрываемую враждебность...

А Бантыш, уверенно ступая начищенными сапогами по рассохшемуся, поскрипывающему паркету, жадно курил и не обращал больше на нее внимания. «Лапоть! — мысленно бичевал он себя. — Не переехал на завод в Керчь, когда предлагали... Что тебя здесь держит? Курдюк бараний!»

За пять лет работы в райцентре — малоприметном, тихоньком поселке Верхне-Садовом, находившемся в тридцати километрах от железной дороги, — Бантышу все здесь примелькалось и до смерти наскучило.

Поселок сильно пострадал в годы немецкой оккупации. Сейчас из-за скудости бюджета он не располагал средствами, чтобы достроить заложенный еще до войны клуб, замостить улицы, обзавестись тротуарами. После двух—трех хороших дождей жители Верхне-Садового, держась за изгороди, скользили ногами по глинистым тропкам или, махнув на все рукой, храбро шлепали по мутным лужам, предавая анафеме Гитлера, дорожный отдел, а заодно и поселковый совет.

В чайной, которая служила и столовой, и рестораном, и кафе, коротали по вечерам досуг любители бесед и горячительных напитков. Тускло мигала под потолком одинокая, засиженная мухами электролампочка, чуть видны были в табачном дыму раскрасневшиеся лица. Буфетчица, маячившая за своей стойкой с разнокалиберными бутылками и снедью — пирожками, банками консервов, блюдечками с тюлькой и винегретом, — зажигала свечу, чтобы не ошибиться при расчете.

В единственном кинотеатре «Аврора» шел по неделе один и тот же фильм, и сеанс начинался и заканчивался танцами под радиолу или баян. Здесь установился свой особенный шик: местные завзятые танцоры, начав танцевать, не выпускали изо рта папироску и, не давая передышки ни себе, ни партнершам, с хвастливой небрежностью и неутомимостью «отрабатывали» в одном темпе и падекатр, и танго, и польку, и вальс.

После полудня на поселковом рынке, вернее, на пустыре с двумя рядами узеньких деревянных стоек, сиротливо торчали три — четыре старухи с мешочками подсолнечных семечек или кучками луковиц. И когда приходил из города в сельпо грузовик, верхнесадовцы по-домашнему сообщали друг другу, что «привезли пиво» или что «после обеда будут давать тапочки на кожаной подошве».

Мимо поселка, его яблоневых посадок и огородов, мимо древнего татарского кладбища шло к морю широкое асфальтированное шоссе. По нему день и ночь неслись автомашины, груженные станками, лесом, цементом, стеклом, картошкой, мукой. Восстанавливались заводы и фабрики в приморских городах, строились новые промышленные городки. Где-то совсем рядом бурлила жизнь, а по кривым и узким улочкам Верхне-Садового бродили ленивые свиньи, копошились куры. За стенами приземистых длинных, как казармы, домиков с почерневшими от времени плоскими черепичными кровлями, с глухими оконцами, забранными решетками, текла своя однообразная жизнь. Замирала она с наступлением темноты. Только огромный репродуктор на площади перед райисполкомом зычно рокотал до полуночи, а когда умолкал и он, поселок погружался в такую первозданную тишину, что даже сиплое покашливание сторожа из темного проема дверей раймага казалось непомерно гулким и отдавалось эхом на окрестных улицах.

В мастерских райпромкомбината, которым ведал Бантыш, изготовлялись обозные хода, школьные парты, столы и табуретки, деревянные комбайновые планки. Бантыша, инженера-строителя, назначили сюда после окончания войны временно: надо было безотлагательно наладить производство дверных и оконных рам для восстановления домов.

Прошел год, второй, третий... Комбинат выполнял и перевыполнял план, руководить им было нетрудно. Рабочие звали директора уважительно Дмитрием Антоновичем, за глаза — хозяином, приглашали на семейные торжества; все это вошло в привычку.

Потом Бантыш спохватился, что уже шестой год застал его в комбинате и что он позабыл все, чему учился в институте, и его не влекло уже, как раньше, к большой работе строителя.

...Шагая с напускным безразличием из угла в угол, Бантыш раздумывал над тем, что ему нужно во что бы то ни стало уехать из Верхне-Садового... Устроиться где-нибудь на крупное строительство... Прорабом, десятником, кем угодно! «Ведь мне только тридцать пять, — думал он, глубоко затягиваясь табачным дымом. — Вся жизнь еще впереди... По-настоящему испробовать силы... Не на изготовлении крысоловок и табуреток...»

Дверь вдруг открылась. Из кабинета вышли Мазур и Громышев — директор и секретарь парткома Верхне-Яблоневской МТС.

— Салям! — сказал Бантыш и сочувственно подмигнул. — С легким паром!

— Отойди, Дмитро! — удрученно проронил Мазур. — Дай-ка лучше закурить.

Бантыш достал синюю коробку с этикеткой «Курортные». В эту минуту его позвали. Он все же неторопливо извлек из коробки горсть папирос и, ткнув их директору МТС, сказал с наигранной беспечностью:

— Пойду набираться ума-разума...

Уверенной походкой вошел в заполненный людьми кабинет, с достоинством поздоровался и, не дожидаясь приглашения, сел на свободный стул у двери.

В тесноватой, мало пригодной для заседаний комнате было слишком светло и душно от большой люстры.

Заходил сюда Бантыш часто и каждый раз, переступая порог секретарского кабинета, невольно вспоминал, как в октябре сорок первого года, в трагическое для Крыма время, его вызвали в эту комнатку. Сообщили, что к ночи он должен уйти в лес, в распоряжение командира партизанского соединения Белогуренко.

Сейчас Белогуренко, бессменный председатель райисполкома, седой, полнотелый, с водянистыми мешками под глазами, сидел, положив крупные руки на стол, рядом с секретарями райкома Сергеевым и Петляком.

Бантыш обежал глазами лица других членов бюро. Флегматичный, поблескивавший очками редактор газеты Жарков... Подстриженный «под бокс» секретарь райкома комсомола, заядлый футболист Вася Крамских...

— Присаживайтесь поближе, товарищ Бантыш, — пригласил Сергеев, захлопнув какую-то папку и отодвигая ее в сторону жилистой волосатой рукой.

Обычно Сергеев говорил ему «ты», и это подчеркнуто-официальное обращение, откровенный холодок в голосе секретаря райкома уязвили Бантыша.

А Сергеев, продолжая, видимо, какой-то разговор, сказал с досадой, обращаясь к Белогуренко:

— Философа, который такие справки стряпает, надо, Андрей Андреевич, в райздрав пригласить... Ну и мудрец!

Он передал председателю райисполкома бумажку. Белогуренко, надев очки, прочитал вслух:

— «Выдана гр. Дзюбе А. А. в том, что по состоянию здоровья заниматься физическим трудом он не может; пригоден только к руководящей работе на советской или профсоюзной должности...»

— Так он же как буйвол! — сказал с искренним изумлением Вася Крамских.— Вилы ему, лайдаку, в руки, а не портфель...

Бантыш слушал угрюмо. Он догадывался, о чем будет идти разговор на заседании бюро. В промкомбинате обнаружилось крупное хищение материалов. Накануне второй секретарь райкома Петляк пробыл здесь весь день, говорил с рабочими, придирчиво расспрашивал о чем-то сотрудников бухгалтерии.

Все это было весьма неприятно, но самое досадное для Бантыша заключалось в том, что комбинатом решил заняться именно Петляк. С полгода назад на партийной конференции Бантыш резко критиковал его за равнодушие к людям, грубость, бюрократизм. Петляк признал тогда критику правильной, но отношения у него с Бантышом установились натянутые.

— Докладывай, Терентий Зиновьевич, — кивнул Петляк Сергеев. Перегнувшись через стол, он распахнул створки окон. Ветер зашевелил занавеси, растревожил синеву табачного дыма под низким потолком, пошарил в лежащих на столе бумагах.

Сергеев рассеянно разглядывал знакомую до мельчайших подробностей деревянную арку у входа в парк, голубой киоск с газированной водой. Взгляд его задержался на юной парочке в тени акаций. Подросток в форме ремесленного училища и девчонка в шляпке влюбленно глядели друг на друга и, сцепив пальцы рук, молча, самозабвенно испытывали их силу и неподатливость.

Петляк тем временем протер очки в роговой оправе, подышал на них, еще раз поелозил платочком по стеклам и, поправив темный галстук, поднялся.

«Сегодня уж он сведет со мной счеты! — с хмурой усмешкой подумал Бантыш. — Уж он сегодня на мне отоспится...»

Но Петляк заговорил не о том, чего ждал Бантыш.

— В райком поступили сигналы о неэтичном поведении директора промкомбината в быту, — начал он, и неулыбчивое лицо его стало еще более строгим. — Факты свидетельствуют о том, что моральный облик Бантыша, его поступки пятнают звание коммуниста... более того, несовместимы с пребыванием в партии... Кстати, напомню, сей «деятель» уже имеет строгий выговор с предупреждением...

Бантыш, глядя на оратора сощуренными в иронической улыбке глазами, вспомнил вдруг, как Петляк насмешил обкомовских работников. Его упрекнули в том, что он боится выдвигать молодежь и предпочитает почему-то стариков. «Они в моральном отношении надежнее», — уныло оправдался Петляк.

— Вы напрасно смеетесь,— начальственно сказал Петляк, заметив на лице Бантыша улыбку.— Как бы плакать не пришлось...

— Что ж... будет причина, поплачу, — ответил Бантыш хладнокровно.

— Ставлю в известность членов бюро...— продолжал Петляк, опершись костяшками пальцев о край стола и мерно покачиваясь. — Делом о хищениях на комбинате займется прокуратура... Ей даны соответствующие указания... Наше же внимание должна привлечь сегодня этическая линия поведения члена партии Бантыша...

Сергеев, слушая Петляка, машинально вычерчивал в блокноте контуры виноградных и табачных листьев. «Вот же человечина! — думал он с досадой. — И откуда у него такой набор слов: «соответствующие указания», «наше внимание...»! Тьфу! Тут бы прожечь голубчика каленым словом... протряхнуть, чтоб три пота с него сошло... а он — «этическая линия»...»

Бантыш был по душе Сергееву. Толковый, энергичный работник, он хорошо руководил комбинатом, всегда выполнял план, несколько раз был премирован в области. Но вел себя и впрямь неладно — грубо, заносчиво. «Какой-то изломанный, ершистый, — раздумывал Сергеев, изучающе поглядывая на Бантыша. — Такой женой, как у него, гордиться, а он куролесит, словно мальчишка... Солодкую с толку сбивает, паршивец...»

Перебивая его мысли, Петляк продолжал монотонно докладывать:

— Правой рукой у директора некто Вершовский... Пройдоха, подхалюзник...

— Это экспедитор? — уточнил Белогуренко.

— Он только числится экспедитором, а фактически заворачивает всеми делами... Директор считает его незаменимым специалистом.

— По части блата незаменим, — ввернул редактор Жарков, не поднимая головы от лежавших перед ним типографских оттисков.

Петляк обстоятельно излагал провинности Бантыша. В комбинате пригрелись темные дельцы, самокритика зажата, нередко с участием директора и Вершовского устраиваются пьянки...

— Верно насчет пьянок, Дмитрий Антонович? — прервал докладчика Белогуренко.

— Не без этого, Андрей Андреевич,— признался Бантыш простосердечно. — Народ мастеровой... Собираются иногда, в получку.

— Там и в получку и без получки безобразничают, — язвительно возразил Петляк. — Чем не анекдот? Звонит недавно Бантыш с утра Вершовскому на работу. «Я, — говорит, — пьян, посижу дома, так ты, мол, Борис Орестович, построже присматривай за порядком на производстве».

Все засмеялись. Бантыш с открытой ненавистью посмотрел прямо в глаза Петляку.

— Или такой случай... — продолжал тот, полистав записную книжку. — Обсуждается среди рабочих газетная заметка. В ней покритиковали директора. Выступает первым этот тип,

Вершовский, задает тон: «Всем нам надо учиться у Дмитрия Антоновича... Мы, мол, завидуем его партизанским заслугам и организаторскому таланту...» И так далее, и тому подобное... Как же сможет Бантыш с таким расстаться?!

— Неразлучные собутыльники, — бросил реплику Вася Крамских.

Бантыш слушал с каменной непроницаемостью, стараясь как можно равнодушнее отнестись к словам Петляка, а пальцы его то расстегивали, то снова застегивали пуговицы аккуратного серого пиджака.

— Вообще неизвестно, что осталось у Бантыша от звания коммуниста, — доносилось до его слуха. — Не учится, не читает, хотя... — В голосе Петляка снова зазвучала язвительность. — Хотя жена у него библиотекарь и при желании он смог бы достать книги... И, кстати, человек он женатый и не такой уж молодой, а заставляет райком заниматься его любовными похождениями... Тут письмо из обкома переслали...

— Письмо, Терентий Зиновьевич, оставь в покое, — сказал, поморщившись, Сергеев.

Петляк недовольно изогнул брови, но сказал вяло, почти со скукой:

— Сигнал хоть и анонимный, а художества директора, распущенность его правильно изображает. Неладно у него по линии связи с женщинами...

«Бывает, оказывается, и такая «линия», — усмехнулся Сергеев. — Ну и говорун!»

«Анонимка? Кто же это?» — напряженно соображал Бантыш.

Вася Крамских, взъерошив пятерней свой вихор, нетерпеливо проговорил:

— У меня вопрос к Бантышу... В каких отношениях вы с плановиком комбината Мамонтовой?

— В служебных, — буркнул Бантыш.

— И в кино с ней ходили по долгу службы? Розочки каждое утро она ставит на директорский стол тоже по служебной обязанности? — наседал Крамских. — На машине возили ее в Тенистое тоже в служебном порядке?

— На такие вопросы я отвечать не буду,— сказал Бантыш громче и добавил чужим, сдавленным голосом: — Все это чистейшая чепуха.

Крамских вскочил с места.

— Совестно отвечать? Разрешите, Василий Иванович, слово! Напрасно здесь Бантыш пыжится... Пусть честно доложит бюро, чему он думает посвятить свою жизнь. Все советские люди о коммунизме думают, о том, как его быстрее построить, а Бантыш только и мечтает о преферансе, о водочке...

— Зачем Бантышу коммунизм, если ему и при социализме неплохо? — ввернул редактор Жарков. — Подчиненные устилают ему путь розами, а потом на работу не выходят.

Сергеев, искоса взглянув на Бантыша, сидевшего сейчас с низко опущенным, побледневшим лицом и крепко сжатыми губами, отрывисто и резко проговорил:

— Бросьте вы о всяких розочках и прочей ерунде... Пускай этим досужие сплетницы занимаются... Речь идет о судьбе коммуниста... Давайте посерьезнее, товарищи!..

Расправляя под широким поясным ремнем складки синей гимнастерки, грузно поднялся Белогуренко.

— Я за Дмитрия Бантыша больше других отвечаю, — глухо и медленно заговорил он.— В партию его рекомендовал... В соединении он у меня воевал. — Белогуренко вытер платочком проступивший вдруг на лбу пот. — Поганы твои дела, Дмитрий Антонович... Ой, поганые! Если со всей строгостью разобраться, исключать надо тебя из партии...

— Да в чем моя вина? — воскликнул Бантыш. — За что исключать?

— Тут больше нашей вины, чем твоей, — вмешался Сергеев. — Слишком долго мирились с твоими фокусами.

— Да нет, Василий Иванович, — возразил Белогуренко. — Райком занимался его персоной... Уговаривал... Наставлял на праведный путь... Еще до твоего приезда... Один раз я сам загальные сборы в комбинате проводил. И получается: дитя вроде не молодое, а пеленки, прошу извинить за грубое слово, пачкает... До яких же пор?.. А? Дмитро Антонович?

Бантыш изменился в лице, заносчиво напомнил:

— Сами в приказе благодарность объявляли... Премии выдавали!.. Теперь со всех сторон плохой...

— Де Крым, де Рым, а де попова груша, — парировал Белогуренко. — Премировали рабочих... Бо тебя не за что... И ты не кочевряжься!.. Пригрел пройдысвитов, шалопутов всяких и сам подгнивать стал. Вершовские возле него разные крутятся, Гусики... Забыл партизанскую пословицу? Не тот ворог, що перед тобою, а тот, що за спиною!..

Белогуренко закашлялся и кашлял долго и гулко.

Бантыш сидел, сгорбившись и не глядя в его сторону. Он тщетно старался сосредоточиться, привести в порядок разбегающиеся беспорядочные мысли. Где-то глубоко и потаенно в его душе копошилось сознание виновности... Пил много, это верно. Чересчур доверял Вершовскому... Но признаваться в своей вине не хотелось, и он, ища себе оправдания, угрюмо думал: «Петляк свое сделал... Собрал сплетни, настроил всех...»

— У партии каждый боец на счету, — продолжал Белогуренко, — задачи большие, а какой из тебя, у биса, боец?! Винопитием там занимаются, непотребством всяким. Не шкода горілки выпитої, як говорят, а шкода розуму пропитого... Волосы вон седеют, а ты все парбукуешь... Да ты не махай рукой, а слухай, что тебе говорят... Не пойдет так дело! Нам такие, что по-пид ногами тилипаются, ни к чему... — Белогуренко хотел сказать что-то еще, но разволновался, горло его пересохло, он, багровея до корней волос, хрипло закончил:

— Предлагаю исключить!

«Если исключат, приду домой и застрелюсь!» — пронеслась в голове Бантыша внезапная мысль. В нависшей тишине он отчетливо ощущал, как глухими толчками шумела в ушах кровь.

— Бантыш, будете говорить? — спросил Сергеев.

— Мне нечего говорить, — с видимым усилием сдерживая себя, бросил Бантыш.

— Вот, вот!—Петляк презрительно шевельнул бровями.

«Да скажи же, дурень, що виновен!— мысленно ругнулся Белогуренко, косясь на бледное лицо Бантыша и втайне уже сожалея, что, погорячившись, предложил слишком суровое наказание.— От же упертый, хоть черепком ухо ріж!»

Сергеев, в задумчивости перебирая бумаги, выжидал. Бантыш молчал.

— Самое скверное во всем этом, — с нескрываемой досадой сказал Сергеев, — что Бантышу, видно, нечего сказать...

— Я человек отпетый, — подавленно проронил Бантыш.

— Считали бы тебя отпетым, не возились бы,— уже откровенно рассердился Сергеев. — Не желаешь разобраться, что с тобой произошло... придется помочь! — Сергеев, собираясь с мыслями, потер ладонью переносицу.— Товарищ Белогуренко тут сказал: «Загнивать начал»... Горькие слова. Не только для тебя, Бантыш, а и для нас... Ты ведь не сосунок... Ты в партии не первый год... Хорошее, боевое прошлое... Высшее образование у тебя... А нужно не только высшее образование, а и высшая честность... Перед партией, перед народом, перед самим собой!

— Чести к коже не пришьешь, если нет, — скептически усмехнувшись, вставил Петляк.

Бантыш рывком поднялся. Чувствуя, как дрожат его губы и часто бьется сердце, он хотел снова сесть, но тотчас же овладел собой, заговорил сдержанно:

— Пусть виноват я кой в чем... А Петляк Терентий Зиновьевич?.. Кругом прав?.. Сердце вынимает, да еще раскаленными щипцами... Ничего же в нем товарищеского!.. Партийного...

Сергеев предупреждающе поднял руку, но Бантыша уже было невозможно остановить.

— Я скажу, что думаю, а потом решайте, — отмахнулся он. — Главная болезнь моя — не гнется у меня поясница перед начальством... Не умею держать нос по ветру... А Петляк рад, что прищучить смог... Спросите у него, побеседовал он со мной? Хоть единственный раз!.. По-человечески... Третий год в районе, а я не знаю, какого цвета у него глаза, такие они у него прищуренные...

— Кажется, не обо мне сейчас вопрос! — запальчиво сказал Петляк и покосился на Сергеева.

— Вопрос обо мне,— ответил Бантыш и посмотрел на него с острым блеском в глазах.— И списать себя со счетов я не дам, товарищ Петляк!.. Жизнь не многих так полоскала, как меня... Легко было, думаете, семилетнему мальчонке без отца, без матери, без теплого угла?!. В разруху. После гражданской войны... С самого дна, из грязи человеческой выбрался... Какой-то чинуша из наробраза в приют не захотел определить, когда я попросился. Надо было ему, чтобы меня милиция привела... На улицу вытолкал, к воришкам... А сейчас такие не попадаются?.. Нет, дорого мне жизнь досталась, чтоб так вот... под ноги...

— Ты спокойнее,— сказал Сергеев, заметив, как трясутся у Бантыша губы.

— У меня четыре ранения, — отрывисто продолжал Бантыш. — Андрею Андреевичу это известно... Я своей крови не жалел, когда с фашистами в Крыму схлестывались... А где Петляк был в это время? Перенес он столько в своей эвакуации? Конину ел? Ноги у него пухли от голода?..

— Что ты ловчишь?! — раздраженно перебил Петляк. — Ишь ты! Расхвастался старыми заслугами.

Белогуренко слушал их стычку с удрученным чувством человека, который вдруг понял, что мог бы не допустить всего этого.

Партизанские годы казались давно-давно прошедшими, редко вставали в его памяти, обремененной текущими делами: добычей топлива для школ, размещением новоселов, надоями молока, уборкой табака и разведением поросят... Но тут вдруг перед Белогуренко возникли, ярко и отчетливо, партизанские землянки, заснеженный лес в горах, свирепые схватки с оккупантами, дымящиеся селения...

В памяти его промелькнул эпизод, когда немецкие каратели устроили засаду на Бантыша и его дружка Петю Соколенко — боевых подрывников. Двадцать солдат и полицейских сумели взять их в кольцо, открыли пальбу, а Бантыш и Соколенко перехитрили карателей и, обливаясь кровью, приползли к партизанской заставе. Сколько радости было у них, полуживых, что они выполнили боевое задание и не сдались врагу!

...И еще вспомнил Белогуренко недавний случай. Года полтора назад к нему, в райисполкомовский кабинет, вскочил разъяренный, с дергающейся щекой Бантыш, зло крикнул: «Скажи, Андрей Андреич, много таких, как Петя Соколенко?!» И, чуть успокоившись, рассказал, что Петляк, который обязан был решить вопрос о квартире для Соколенко, равнодушно выставил того из кабинета, заметив: «Много таких, как ты. Не мешай работать!» Белогуренко отделался тогда обещанием «потолковать», а потом захворал, и Соколенко куда-то выехал из Верхне-Садового, слышно было, пьет...

Белогуренко смотрел сбоку на упрямое лицо Бантыша, на его сердитые голубовато-серые глаза, полуприкрытые припухшими веками, и думал: «Повинен, повинен и ты, Андрей!.. Да ведь как говорят: «Всяк правду знає, та не всяк про неї дбає...»

— Все-таки прошу, Василий Иванович, призвать Бантыша к порядку, — сказал недовольно Петляк. — Отвертеться хочет...

— Я коротко, — спохватился Бантыш, повернувшись к Петляку. — Виноват я во многом, признаю... А твоя беда, Терентий Зиновьевич, что ты потерял душевный интерес к людям... Надоели они тебе... Не уважаешь их...

Петляк улыбнулся одним уголком тонкого, сухого рта:

— А с какой стати я должен уважать расхитителей социалистической собственности?.. Пьяниц?

— Меня здесь обвиняют, что выпиваю с рабочими, — сказал сдержанно Бантыш. — От себя добавлю: слишком часто выпиваю... А вот почему тебя, товарищ Петляк, рабочие до вчерашнего дня ни разу у себя не видели? Посидел бы с ними, поговорил... Ты же партийный работник... Может быть, с простыми людьми и стакан вина невредно хоть раз в жизни выпить... Они многое рассказали бы тебе...

— Пей уж сам, — насмешливо махнул рукой Петляк.

Сергеев хмурился все больше. В речи Бантыша, несвязной, но искренней, было что-то справедливое и подкупающее. Он не из тех бесцветных и безличных, дряблых людей, каких Сергеев терпеть не мог. Вина за ним была большая. «А исключать преждевременно»,— решил Сергеев после короткого размышления.

— Вот что, товарищ Бантыш, — сказал он строго. — Прокуратура пусть своим делом занимается. За расхищения в комбинате закон, что положено, взыщет с виновных. А пока учти. Я тоже не умею держать нос по ветру. Скажу, что о тебе думаю. Своими попойками, потачками подхалимам, легкомысленным поведением в быту ты крепко запятнал авторитет коммуниста. И хочешь, не хочешь, придется нести ответ.— Сергеев, скрипнув протезом, встал. — Я предлагаю вернуться к вопросу о партийности Бантыша после доследования вопроса... А он пусть пока призадумается над всем, что здесь услышал... Согласны, товарищи?.. Поглубже разберемся... У нас как бывает: запил человек — ударили. Покатился — подтолкнули... Голосую...

Бантыш не смотрел, как поднимали руки члены бюро. Услышав: «Можете идти!», — он медленно поднялся и, ни на кого не глядя, пошел.

Его остановил голос Сергеева.

— Ты понял, товарищ Бантыш, что тебе грозит, если не покончишь с безобразиями? — спросил секретарь райкома.

— Понял.

Бантыш громко хлопнул дверью и, всовывая руки в рукава макинтоша, скользнув отсутствующим взглядом по испуганному лицу Ларочки Приваловой, быстро направился к выходу.

КНИГА О НЕЗАБЫВАЕМЫХ ВСТРЕЧАХ

Издательство газеты «Правда» недавно выпустило два тома книги «Миссия дружбы», посвященной пребыванию Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индии, Бирме, Афганистане.

В первом томе собраны документы — выступления государственных деятелей СССР, Индии, Бирмы и Афганистана во время этой поездки, их совместные заявления и коммюнике, а также адреса советским руководителям, полные любви и уважения к нашей стране, к нашему народу.

Чем больше вчитываешься в эти документы, тем лучше и яснее представляешь себе, как важна была эта поездка для укрепления доверия между государствами, как она укрепила и расширила зону мира в Азии, сузив зону «холодной войны».

В сборник включен ряд неопубликованных документов. Особый интерес вызывают впервые опубликованные речи Н. С. Хрущева в городе Сонепат, где расположена одна из баз осуществляемой правительством Индии «программы общинного развития» индийской деревни, и на молочной ферме в Аари, где были высказаны важные мысли о мирном соревновании различных общественных систем. Впервые на русском языке опубликован адрес Н. А. Булганину и Н. С. Хрущеву, представленный на двухсоттысячном митинге в Бангалоре гражданами этого города. «Перед нами стоит много общих задач, за которые мы должны бороться,— говорится в этом адресе.—...Мы понимаем, что ни одна страна не может рассчитывать на длительный мир, оставаясь в изоляции». И далее, обращаясь к представителям Советского Союза, граждане Бангалора писали: «...Ваше сотрудничество с азиатскими и африканскими странами и ваше согласие с принципом мирного сосуществования повели к значительному ослаблению международной напряженности. Перспективы расширения и укрепления «духа Женевы» улучшились, когда ваше правительство выдвинуло новые конкретные предложения сокращения вооружения, запрещения использования атомного оружия и ликвидации угрозы войны».

Во втором томе собраны статьи и корреспонденции специальных корреспондентов «Правды» Ю. Жукова, О. Орестова и О. Скалкина, рассказывающие о поездке советских руководителей в Индию, Бирму и Афганистан. Эти сообщения, публиковавшиеся в свое время в «Правде», значительно расширены и дополнены. Сейчас они содержат большое количество фактического материала о нравах, обычаях, истории и культуре трех дружественных стран. На конкретных примерах показан новый путь развития азиатских стран, сбросивших с себя колониальное иго.

Книга «Миссия дружбы» поможет советскому народу и народам Востока лучше узнать друг друга, она служит делу укрепления и взаимопонимания между государствами, делу мира.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Интервью «Огонька»

В ЛАБОРАТОРИЯХ АМЕРИКИ

Доктор Солк (сидит за столом) в присутствии советских ученых делает ребенку профилактическую прививку своей вакцины.

Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР
М. П. ЧУМАКОВ,
директор Института по изучению полиомиэлита

17 января по приглашению Министерства здравоохранения США мы вылетели в Америку. Наша делегация состояла из четырех человек: член-корреспондент Академии медицинских наук профессор А. А. Смородинцев, старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук М. К. Ворошилова, доктор Л. И. Лукин и я.

Нам предстояло познакомиться с последними достижениями американских экспериментаторов, эпидемиологов, клиницистов, ведущих борьбу с эпидемическим полиомиэлитом. Эта тяжелая детская болезнь, так широко распространенная в странах Америки и Западной Европы, стала проявлять свою активность и в пределах Советского Союза. За последние десять лет на территории нашей страны наблюдались отдельные вспышки эпидемического полиомиэлита. Минувшей осенью в Москве при Академии медицинских наук СССР был создан специальный Институт по изучению полиомиэлита.

Было бы слишком длительным описывать день за днем наше пребывание на американском континенте. Остановимся на самом главном из стремительного путешествия по лабораториям Америки. Именно по лабораториям: график поездки, предложенный нам по прибытии в Вашингтон, оказался настолько плотным, что ни на какие отступления не оставалось времени. Американские коллеги позаботились о том, чтобы каждый час нашего пребывания в стране был использован с максимальной продуктивностью. Мы увидели много интересного, много полезного для развития борьбы с полиомиэлитом.

...Из Вашингтона мы выехали в Бостон к профессору Джону Эф. Эндерсу. Но прежде чем рассказать о самом Эндерсе и его открытии, необходимо сделать некоторое отступление.

Эпидемический полиомиэлит известен еще с глубокой древности. Однако очень долго врачи не имели возможности не только оказать действенную помощь больным, но даже определить сущность заболевания.

В 1840 году немецкий врач Гейне выпустил первую научную работу о полиомиэлите — детском спинномозговом параличе. Спустя шестьдесят восемь лет после публикации этой работы, 18 декабря 1908 года, два австрийских врача, Ландштейнер и Поппер, впервые воспроизвели заболевание у обезьяны, заразив ее взвесью из кусочка спинного мозга ребенка, умершего от полиомиэлита. Вскоре было доказано, что болезнь вызывает невидимый даже в сильнейшие микроскопы возбудитель, свободно проникающий через фильтры, задерживающие бактерии.

В наши дни вирус полиомиэлита удалось увидеть и сфотографировать с помощью электронного микроскопа. Он сказочно мал — всего 8—12 миллионных долей миллиметра. Пожалуй, это мельчайший из известных нам вирусов. Он быстро погибает не только при кипячении, но и при нагревании до температуры свыше 50°, зато отлично переносит даже самые низкие температуры. Эфир и спирт бессильны убить его, в то время как слабого раствора хлорамина или марганцево-кислого калия достаточно, чтобы вирус потерял свою силу.

Ученые тщательно занимались выяснением путей, по которым распространяется вирусная инфекция. Но нужно сказать, что и до сего времени этот вопрос остается не до конца ясным.

Некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что инфекция полиомиэлита распространяется по воздуху преимущественно капельным путем, подобно вирусу гриппа или кори.

Другие ученые считают, что вирус полиомиэлита, напротив, проникает в организм человека через рот вместе с загрязненной пищей. Он внедряется в слизистые оболочки глотки, пищевода и тонких кишок. Оттуда через кровь или по нервным волоконцам вирус в ряде случаев может проникнуть в мозг, и там уже происходит разрушение отдельных нервных клеток, управляющих деятельностью мышц. Этот процесс нередко заканчивается параличом мышц конечностей или же смертью больного, если поражены клетки той части центральной нервной системы, которая управляет дыханием.

Однако встречается много случаев, когда при тесном контакте с больным происходит заражение, а признаки заболевания не развиваются или же проявляются в очень легкой, малохарактерной форме. Вирус полиомиэлита как бы не находит для себя подходящей почвы или наталкивается на уже развившуюся невосприимчивость организма. Чаще всего это зависит от предшествующих попаданий в организм ничтожно малых количеств вируса полиомиэлита.

Таким образом, защитные силы не у каждого организма оказываются одинаковыми. Они изменяются в зависимости от возраста, питания, частоты встреч с инфекцией, перенесенных болезней и многих других причин.

В течение ряда десятилетий ученые не могли найти методы эффективного воздействия на вирус полиомиэлита, методы предупреждения и лечения болезни. И это несмотря на огромные усилия многих сотен исследователей, работающих в десятках стран. Проблема оказалась чрезвычайно сложной.

Между тем заболеваемость неуклонно росла. Эпидемии охватывали собой все более обширные пространства, в особенности в США и в Скандинавских странах. Все чаще во время крупных вспышек болезнь стала поражать не только маленьких детей, но и школьников, даже лиц среднего и пожилого возраста. Детский паралич начал заметно «взрослеть», по мере того как увеличивались размеры отдельных эпидемических вспышек.

В особенно тяжелом положении оказались Соединенные Штаты Америки. В течение минувшего десятилетия каждый год болело не менее 35 тысяч детей. А в 1952 году эта цифра подскочила до 57 тысяч! В США насчитывается свыше 100 тысяч калек после полиомиэлита. Отсюда понятно, почему США вынуждены так широко и активно заниматься поисками решения проблемы полиомиэлита, который считается здесь «врагом государства № 1».

Известно, что Франклин Делано Рузвельт перенес полиомиэлит и до конца дней ему приходилось пользоваться коляской. С 1927 года по инициативе друзей Рузвельта в стране начался ежегодный сбор средств в пользу пострадавших от полиомиэлита. Впоследствии эти пожертвования стали традиционными и получили наименование «марша центов».

Позднее встал вопрос о создании специального центра, призванного оказывать финансовую поддержку научным и лечебным учреждениям, активно разрабатывающим или осуществляющим средства борьбы с полиомиэлитом. В январе 1938 года была создана Национальная организация по изучению детского паралича, которая существует на добровольные взносы и пожертвования.

Средства, собираемые в результате «марша центов», используются для содержания многих сотен госпиталей, в которых лечатся больные полиомиэлитом, на приобретение наиболее сложного

лечебного и научного оборудования, на финансирование исследовательских крупных лабораторий, занятых разработкой этой важной проблемы. Мы побывали в таких лабораториях.

...Профессор Дж. Эндерс работает в детском госпитале при Гарвардском университете. Его лаборатория также финансируется Национальной организацией по изучению детского паралича. Значение открытия, сделанного им в 1949 году совместно с Уэллером и Роббинсом, трудно переоценить.

Известно, что любой фильтрующийся вирус размножается только внутри восприимчивой живой клетки. До открытия Эндерса считалось аксиомой, что вирус полиомиэлита способен развиваться лишь в клетках мозговых тканей обезьян или человека. Разумеется, в этих условиях ученые лишены были возможности получать в любое время для лабораторных целей необходимое количество живого вируса. Лишь единичные лаборатории, имеющие достаточное число подопытных обезьян, могли заниматься изучением вируса полиомиэлита. Этим отчасти объясняется длительная задержка в решении практически важных задач по диагностике и специфической профилактике полиомиэлита.

Эндерс, Уэллер и Роббинс произвели полный переворот в вирусологии. В 1949 году Эндерс на опыте показал, что существующее представление о свойствах вируса полиомиэлита ошибочно. Вирус размножается и вне клеток нервной системы, вне мозговой клетки — на кусочках человеческой кожи, почки, помещенных в специальную питательную среду. Дальнейшие работы в этом направлении еще более расширили круг возможностей ученых. К уже перечисленному прибавились почки обезьян, ткань их семенников и миндалин.

Открытие Эндерса сразу же вывело проблему полиомиэлита за рамки нескольких привилегированных лабораторий. Каждый вирусолог получил возможность внести свой посильный вклад в большое общее дело исследования этой тяжелейшей болезни.

Прошло еще два года, и Эндерс, Уэллер, Роббинс и работавший вместе с ними Флорентино сделали еще один крупный шаг вперед. Они предложили сравнительно простую методику диагностики полиомиэлита. В результате вирусологические лаборатории стали заниматься и повседневной диагностикой полиомиэлита. Ведь в первые три дня, пока вирус не проник в клетки нервной системы, болезнь трудно распознать. В ряде других случаев болезнь протекает нетипично, клиническая диагностика почти невозможна. И вот тут-то вирусолог приходит на помощь лечащему врачу, применяя лабораторное исследование.

Работа Эндерса, Уэллера и Роббинса была отмечена Нобелевской премией за 1954 год. Но какими премиями можно измерить то огромное практическое значение, которое получило это открытие! Сразу же появилась возможность иметь в лабораториях живой вирус в самых неограниченных количествах. А это, в свою очередь, позволило начать работу над созданием специфической вакцины против полиомиэлита.

...В Питтсбург, где находится лаборатория доктора Джонаса Солка, мы прибыли утром в субботу. И хотя суббота в Америке считается наполовину нерабочим днем, Солк до позднего вечера оставался с нами. Он провел нас по всем помещениям своей лаборатории, которая, нужно заметить, оснащена самым совершенным, новейшим оборудованием. В течение нескольких дней мы подробно знакомились с ведущимися там исследованиями по полиомиэлиту и другим инфекциям, с результатами работ по вакцине Солка, включая даже детали технологии производства.

Доктору Солку сорок два года. Он находится в расцвете творческих сил. Несмотря на огромную популярность, Солк оказался доступным, скромным и приветливым человеком.

Один из вечеров мы провели у него в гостях, в кругу его семьи и нескольких ближайших друзей. Встреча прошла в исключительно дружеской, сердечной обстановке.

Чем же так знаменит Солк? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, необходимо сделать еще одно отступление.

Вирус полиомиэлита, как и всякий другой, является чужеродным для человеческого организма белковым телом, имеющим свои раздражители клеток, или антигены. Стоит вирусу проникнуть в организм, как в тканях против антигенов начинают усиленно вырабатываться особые вещества — антитела, попадающие затем в кровь и нейтрализующие вирус. Нередко антител бывает недостаточно, чтобы своевременно и полностью парализовать активность вируса. В этом случае человек заболевает. Но после болезни даже в самой легкой ее форме он приобретает иммунитет, оставаясь иногда в течение всей жизни невосприимчивым к повторной инфекции.

Значит, иммунитет к полиомиэлиту возможен. Каким же путем добиться этого? Только одним — вводя в организм антиген, содержащийся в вирусе. Но как? Неизмененный живой вирус может вызвать опасную болезнь. Убитый вирус способен полностью потерять свой антиген, если воздействие на вирус было слишком грубым и его концентрация в препарате недостаточно высока. Следовательно, необходимо так обработать вирус, чтобы лишить его опасных свойств и в то же время сохранить в целости антиген, способный иммунизировать организм человека.

Доктор Солк избрал для своей вакцины против полиомиэлита метод инактивации вируса с помощью сильно разведенного раствора формалина.

Конечно, это оказалось не очень просто. Прежде всего необходим был весьма концентрированный источник вируса, причем в огромных количествах, для массового производства вакцины. Солк нашел этот источник, удачно применив методы Эндерса для размножения вируса в бутылях, содержащих кусочки почек обезьян и особую питательную жидкость довольно сложного состава. Эта жидкость была предложена канадскими учеными Морганом, Паркером и Мортоном. Для проверки вакцины потребовалось привезти обезьян циномольгус с Филиппин или из Индонезии, так как именно данный вид обезьян реагирует на полиовирус почти так же, как и человек.

Но этим не исчерпывались трудности, ставшие на пути исследователя. Дело в том, что существует не один, а три, вернее, даже четыре, самостоятельных типа вируса полиомиэлита, против которых требуется создавать особые вакцины. Чаще всех встречается вирус первого типа. В Советском Союзе, кроме известных за границей трех типов, открыт и четвертый тип вируса полиомиэлита — карагандинский.

Итак, предстояло создать комплексную вакцину, которая предохраняла бы человека, по крайней мере, от трех типов вируса полиомиэлита. В итоге напряженных исследований Солк добился решения этой задачи, положив начало практическому применению убитой формалином вакцины против полиомиэлита.

В общих чертах технология производства вакцины Солка такова. Почки, удаленные у макаки резус, измельчают, помещают в плоские бутыли и заливают особой питательной жидкостью. После того, как тканевые клетки размножились, культуру тканей засевают вирусом. Через некоторое время в сосуде образуется весьма многочисленная и активная поросль свежего вируса полиомиэлита. Затем жидкость из культур, содержащую вирус, обрабатывают формалином и проверяют безвредность вакцины в опытах заражения обезьян. После длительной, всесторонней проверки качества вакцины она может быть разрешена к употреблению.

В 1953 году Солк закончил весь цикл лабораторных испытаний. С согласия родителей вакцину привили нескольким сотням американских детей-добровольцев. В следующем, 1954 году был проведен беспримерный по своим масштабам массовый опыт проверки эффективности вакцины, опыт, в котором участвовали сотни медицинских учреждений, тысячи специально проинструктированных врачей.

Одновременно в 217 округах 43 штатов США, в Канаде и Финляндии были взяты под медицинское наблюдение 1 800 тысяч детей в возрасте от 6 до 9 лет. Из них около 440 тысяч получили вакцину Солка, а 210 тысяч — под видом прививки — контрольную, не содержащую вакцины жидкость. Еще около 1 200 тысяч невакцинированных детей наблюдались в тех же условиях.

В результате было установлено резкое снижение числа паралитических форм заболевания среди привитых по сравнению с невакцинированными (случаи паралича уменьшились в среднем на 70—80%). Кроме того, была полностью ликвидирована смертность от полиомиэлита среди привитых, в то время как из числа невакцинированных детей 15 человек погибло.

12 апреля 1955 года в большой аудитории Мичиганского университета, где присутствовало свыше 500 крупнейших медицинских авторитетов, доктор Френсис зачитал официальный доклад специальной комиссии, признавшей результаты массового испытания вакцины удовлетворительными.

В тот момент, когда доктор Френсис под гром оваций сходил с трибуны, в городе Сиракуза, расположенном недалеко от Нью-Йорка, ударили в колокола и включили пожарные сирены. Ровно на минуту на всех перекрестках были зажжены красные сигналы светофоров и остановлено движение транспорта. Примерно то же самое происходило и во многих других городах Соединенных Штатов. Америка бурно праздновала победу над полиомиэлитом.

Портреты Солка были опубликованы на первых страницах крупнейших американских газет. В конгресс Соединенных Штатов был внесен законопроект о выпуске специальной медали, с барельефом доктора Солка.

В этот же вечер, 12 апреля, министр здравоохранения США принял в Вашингтоне представителей шести крупнейших фармацевтических фирм и вручил им лицензии на производство вакцины Солка.

Газеты выходили с сенсационными заголовками. Согласно данным Национальной организации по изучению детского паралича, до 1 июля предполагалось охватить профилактической прививкой 20 миллионов американских детей. Эта цифра показалась недостаточной, и после ряда запросов, сделанных в конгрессе, число подлежащих первоочередной вакцинации возросло еще на 10 миллионов.

Начался ажиотаж. Он перекинулся за океан. Печать Западной Европы не отставала от американской. «Шесть американских фабрик заняты изготовлением вакцины Солка! Миллионы доз вакцины Солка готовы к употреблению!.. Сотни тысяч вакцинированных в Канаде и Америке хорошо перенесли пробную вакцинацию!.. Число вакцинированных против полиомиэлита в Канаде и Америке приближается к миллиону человек!» — захлебывались газеты.

Однако спустя полторы недели торжество уступило место панике. В ночь на 27 апреля в Министерство здравоохранения США пришла ошеломляющая весть: шестеро из вакцинированных детей заболели полиомиэлитом, повидимому, в результате прививки.

Начиная с 29 апреля газеты стали давать «задний ход»: «45 000 семей в Соединенных Штатах Америки в тревоге: их дети вакцинированы вакциной Солка!» «Двадцать два случая заболевания на 4—5-й день после прививки вакцины Солка...— два смертных случая...» Некоторые газеты, воздействуя на психику читателя, стали печатать призывы, окаймленные черными траурными рамками: «Если ты не хочешь, чтобы твой ребенок умер, не прививай ему вакцины Солка!»

Через несколько дней удалось установить, что большинство печальных случаев связано с применением вакцины, изготовленной одной из шести фирм — фирмой Каттер, в Калифорнии. Главный медицинский инспектор Соединенных Штатов доктор Леонард А. Шиил наложил арест на продукцию этой фирмы.

7 мая был отдан приказ о прекращении вакцинации на всей территории США для того, чтобы проверить процесс производства вакцины и на других фирмах.

Специально созданная правительственная комиссия занялась расследованием происшедшего. Удалось установить, что сам доктор Солк ни в чем не повинен. Фирма Каттер, повидимому, нарушила строгую технологию производства вакцины. Продукция

других фирм оказалась удовлетворительной.

После того, как понемногу улеглась паника, вакцинация возобновилась.

До конца 1955 года в Соединенных Штатах вакцинировали более чем 11 миллионов детей. Около миллиона прививок было сделано в Канаде, более 420 тысяч прививок — в Дании и т. д. На этот раз все обошлось благополучно.

Несмотря на столь огромный размах вакцинации, нельзя сказать, что уже полностью решена задача ликвидации заболеваний полиомиэлитом. Кстати, и сам Солк не строит на этот счет никаких иллюзий. Он считает, что положено лишь успешное начало борьбе, которая потребует непрерывного совершенствования оружия. Известно, что вакцина не обладает стопроцентным действием в отношении всех видов вируса. К вирусу первого типа она обеспечивает невосприимчивость лишь в 60—70 случаях из ста, ко второму и третьему типам — в 80—100 случаях.

...Вакцина изготовляется специальными фабриками. На трех таких предприятиях нам удалось побывать. В принципе они почти не отличаются от лаборатории Солка, разве только своими масштабами, рассчитанными на выпуск больших партий вакцины. Как мы уже говорили, единственным удобным сырьем этих фабрик являются почки обезьян резус. В минувшем году фармацевтической промышленностью США было «переработано» 75 тысяч обезьян. В этом году их число определяют примерно в 100 тысяч. Стоимость одной обезьяны после доставки ее в США составляет около 35 долларов.

Из почек одной обезьяны изготовляется от тысячи до 6 тысяч доз вакцины Солка. Так как вакцинация производится в три приема, материал от одной обезьяны используется для иммунизации до 2 тысяч человек. На апробацию 18 тысяч доз вакцины расходуется еще одна обезьяна.

Сама обезьяна невелика: она весит от двух до четырех с половиной килограммов. Обезьян в Индии ловят сетями, протянутыми между деревьями, под которыми положены приманки. Пойманных животных размещают в дорожных контейнерах из клееной фанеры и проволочной сетки по 7—10 штук в каждом.

В транспортный самолет помещается 1 600 обезьян. Время полета от Нью-Дели (Индия) до Айдлвилда (Нью-Йорк) составляет 69 часов с длительной остановкой в Лондоне, где обезьянам предоставляется отдых. В полете обезьяны находятся под наблюдением опытных специалистов. Их кормят через каждые восемь часов. В кабине поддерживается постоянная температура.

Из Айдлвилда обезьян перевозят в грузовиках на обезьянью ферму, находящуюся в Южной Каролине, где климат напоминает климат их родины. После трехнедельного отдыха животные попадают на фабрики.

Такова в общих чертах удивительная история вакцины Солка. Остается только добавить, что 7 июня на заседании Американской медицинской ассоциации в Атлантик-Сити доктору Солку под бурные овации собравшихся 5 тысяч врачей была вручена денежная награда — 10 тысяч долларов. Президент ассоциации Эльмер Хэс просил доктора Солка воспользоваться этими деньгами самому, а не жертвовать их на исследования, как он это делал прежде.

...В одно из воскресений мы прибыли в Цинциннати к другому весьма известному ученому, доктору Альберту Сейбину.

Сейбин принял нас очень радушно и весь день провел с нами, показывая достопримечательности города Цинциннати. В последующие два дня мы подробно ознакомились с лабораторией доктора Сейбина и со всеми деталями его новой работы по апробации живой вакцины против полиомиэлита. Некоторые видные вирусологи США (профессор Риверс и др.) считают, что работа по живой вакцине является одним из наиболее перспективных направлений на пути полного решения проблемы полиомиэлита.

В отличие от Солка Сейбин решил использовать для вакцины такие расы живого вируса, которые лишены способности вызывать поражение мозга. Это изменение свойств вируса достигается либо искусственно, путем воспитания особых рас вируса, либо путем селекции. Иными словами, он применил к вирусу полиомиэлита те же принципы отбора, которые уже оправдали себя при создании вакцин против бешенства, желтой лихорадки, оспы.

После ряда перевивок культура вируса становится совершенно безвредной для нервных клеток, сохраняя вместе с тем высокую способность «приживляться» к клеткам кишечной стенки и вызывать иммунитет в организме человека, не нанося ему при этом вреда. Доктор Сейбин любезно передал нашему институту выведенные им варианты вакцинальных штаммов вируса полиомиэлита. По данным Сейбина, вакцина, приготовленная из этих штаммов, даже после введения ее непосредственно в мозг обезьян не вызывала параличей. Если вакцину принимать с пищей, она также оказывается полностью безвредной, но вместе с тем энергично стимулирует в организме образование искусственного иммунитета против активного вируса полиомиэлита.

Вакцина испытана на человеке. Сейбин провел вакцинацию около 200 добровольцев, в крови которых до прививки не содержалось специфических антител. Вскоре после того, как они приняли соответствующую порцию живого вируса, антитела появились.

Как надеются ученые, подобная вакцинация должна обусловливать более длительный иммунитет, чем вакцина из убитого вируса, потому что она по своему характеру приближается к заражению в естественных условиях, когда в организме постепенно вырабатывается достаточное количество антител.

Однако необходимо еще более широкое изучение данных, касающихся живых вакцин; в частности, должно быть доказано, что видоизмененный вирус прочно теряет свои вредоносные свойства и не может сыграть в организме роковую роль.

Ряд авторитетных зарубежных ученых высказывается в пользу целесообразности в будущем сочетать применение двух типов профилактических прививок — вакцины Солка и вакцины Сейбина.

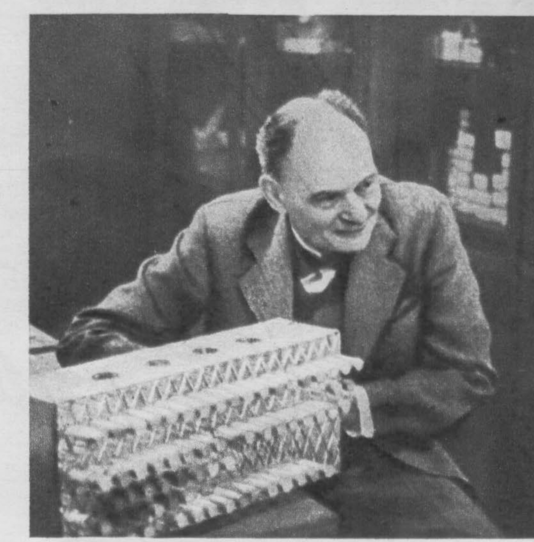
Доктор Сейбин на улице г. Цинциннати.

...Мы встречались также с Давидом Бодианом и Говардом Хау, работающими в Балтиморе, посетили лабораторию Джерома Сивертона в штате Миннесота, Джона Пола в Иэльском университете, Чарльза Армстронга, Карла Хэйбеля и других ученых, так много сделавших в области изучения полиомиэлита.

Таким образом, нам удалось познакомиться с деятельностью почти всех значительных лабораторий Соединенных Штатов, занимающихся этой важнейшей проблемой.

Кроме Соединенных Штатов, мы побывали в Канаде. В Торонто мы посетили «Коннот лабораториес», где налажено производство вакцины Солка. В Оттаве состоялись интересные встречи в лабораториях докторов Гиббарда, Неглера и Моргана. В Монреале профессор Фрапье показал нам новую лабораторию, рассчитанную на выпуск 6 миллионов доз антиполиомиэлитной вакцины в год...

Уже на обратном пути мы сделали остановку в Париже, чтобы познакомиться с профессором Пьером Лепином, работающим в Пастеровском институте. Он ведет оригинальные исследования по вакцинации против полиомиэлита, располагая собственными штаммами вируса, ослабленными по методу Пастера. Вакцина Лепина несколько отличается от вакцин Солка и Сейбина и заслуживает большого внимания.

Профессор Эндерс в своем рабочем кабинете.

Фото профессора А. Смородинцева.

...Мы побывали в трех странах, посетили ряд институтов и лабораторий, наладили непосредственный личный контакт со многими своими зарубежными коллегами. Собранные данные позволят нам уточнить многое в своей работе, кое-что пересмотреть заново.

Но время не терпит. Сезон полиомиэлита приближается. Эпидемиология этого заболевания такова, что если не принять решительных мер, количество вспышек будет неуклонно прогрессировать. Правда, в нашей стране положение с полиомиэлитом еще далеко от угрожающего, но недопустимо ждать, чтобы количество заболеваний значительно увеличилось.

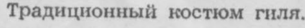
Что нужно сделать сейчас?

В первую очередь необходимо начать промышленное производство вакцины типа Солка. В своем институте мы предполагаем пока наладить экспериментальный выпуск обоих типов вакцины, как из живого вируса, так и из вируса, инактивированного формалином, и провести всестороннее их изучение.

Во время пребывания в США мы ознакомились с технологией производства вакцины и заказали необходимое оборудование. Ожидаем прибытия из Китая нескольких сотен обезьян. Первую партию вакцины мы обязаны выпустить в течение этого года. Но для начала производства вакцины пока еще нет необходимых условий. Крайне мала площадь нашей лаборатории. Мы ожидаем от Министерства здравоохранения СССР серьезной помощи Институту полиомиэлита.

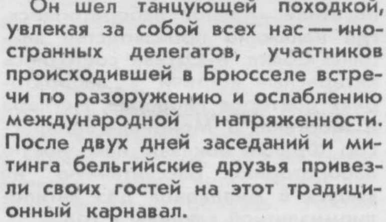
Далее. Требуется изготовлять специальные препараты для быстрой лабораторной диагностики полиомиэлита в культурах тканей. Это поможет лечащим врачам ставить диагноз в сложных и неясных случаях.

Миллионы маленьких граждан, во имя охраны здоровья которых был создан наш институт, ожидают от нас не раздумий, а действий. И советские ученые сделают все, чтобы предотвратить распространение этой болезни в нашей стране.

Традиционный костюм гиля.

Карнавал в Бенше

З. ЛЕБЕДЕВА

Заместитель председателя Советского комитета защиты мира

«Бывают у вас карнавалы?» — спросил меня немолодой, очень полный человек — наш новый бельгийский знакомый. Его узенькие глазки были прикрыты отекшими веками, мелкие черты лица окаймлены большими складками жира. Казалось, что и передвигаться ему трудно, так велик вес его огромного и массивного тела.

Однако, когда мы приехали в старинный бельгийский город Бенш (Binche), наш спутник первым откликнулся на ритмичные удары барабана и вплетавшиеся в эти звуки голоса колокольчиков. Его ноги сами собой стали выделывать несложные па, корпус плавно изгибался, а правая рука отбивала такт.

Выходя из автобусов, мы увидели на улицах множество полицейских, пытавшихся навести порядок. Однако люди толпились на тротуарах, устремляясь на звуки приближающегося оркестра. У многих на головах были яркие бумажные колпаки, широкополые шляпы.

Обернувшись, я увидела, что и лицо нашего друга преобразилось: стало добродушным, немного похожим на «кумушек» скульптора Иннокентия Жукова. Это выражение придала ему огромная шляпа с широкими полями из яркокрасной глянцевой бумаги. На шляпе высилась длинная узкая башня, завершенная пестрыми помпонами.

Он шел танцующей походкой, увлекая за собой всех нас — иностранных делегатов, участников происходившей в Брюсселе встречи по разоружению и ослаблению международной напряженности. После двух дней заседаний и митинга бельгийские друзья привезли своих гостей на этот традиционный карнавал.

Узенькие горбатые улички Бенша, его готические церкви, своды дворца мэрии, его памятники были много раз свидетелями национального праздника гилей.

Гилями зовут в Бенше участников ежегодного карнавала. Более того, сам город слывет «городом карнавала» или «городом гилей».

Легенда говорит, что впервые карнавал порадовал граждан Бенша еще в 1594 году. Жители города видят в этом традиционном празднестве, как они сами выражаются, «частицу своей жизни». Никакой другой город Бельгии не имеет такого традиционного праздника, и переносить его в другой город запрещено.

Мы влились в шумную толпу, когда она ручейками стекалась на улицы из переулков. На главной площади перед зданием мэрии группы празднующих выстраивались в ряды. Бургомистр в черном шелковом костюме-домино принимал гостей, носивших совершенно одинаковые маски. Трудно было отличить детей от юношей, подростков от пожилых людей. Костюмы горохового оттенка с многочисленными черными и красными львами были оторочены спереди национальной вышивкой желтого, черного и красного цвета. Вокруг пояса у каждого гиля были подвешены колокольчики. Подложенная на спину под куртки солома делала все фигуры горбатыми. Горб прикрывался очень красивым кружевным воротником, скрепленным белым бантом на груди.

Но самая яркая часть костюма гиля — огромная шляпа. По словам наших спутников, вес ее — 12 килограммов. Это цилиндр, плотно обтянутый белым атласом, с 8—10 пышными белыми страусовыми перьями, украшающими его сверху. Спереди цилиндр расшит цветной шерстью, а книзу от него тянутся белые ленты. В правой руке у гиля пучок прутьев, перехваченных в 3—4 местах тонким лыком, либо апельсин, который он достает из узкой, длинной корзиночки.

Большую роль в праздничном костюме играют деревянные сабо, ярко раскрашенные в национальные цвета. Ими гиль отстукивает темп танца под звуки барабана и фанфар. Все зрители, идущие по тротуарам или находящиеся в ложах, торговцы, у праздничных лотков продающие цветные шляпы, маски и полумаски, танцуют монотонный и вместе с тем очень подвижной танец.

Группа гилей, танцуя, подходит к столу бургомистра. В его списки занесены имена тех, кто празднует карнавал двадцать пятый или пятидесятый раз. Юбиляры под аплодисменты присутствующих награждаются большой или малой медалью. Мне была предоставлена возможность вручить медаль старику 84 лет, рабочему, в течение полувека ежегодно участвующему в карнавале.

К полудню площадь пустеет, уходят бургомистр, участники приема. Наступил час завтрака, и празднество утихает с тем, чтобы возобновиться снова через несколько часов.

Когда мы возвращались из ресторана рабочего городка Маримонт, куда были приглашены к обеду, к центральной площади уже снова стекались вереницы ряженых. Каждый клуб, каждая ассоциация, студенческий коллектив имеют свои наряды. Здесь домино, клоунские одеяния, белые блузы студентов, разрисованные на спине красками или запачканные огромными чернильными кляксами. Шли группы с интригующими названиями: «Упрямые», «Примиренные друзья», «Безоблачные», «Блестящие», «Неустанные», «Безымянные» и другие,— каждая в особых костюмах.

На углу у первого попавшегося лотка мы сменили свои шляпы на пестрые колпаки и направились к ложам мэрии, куда у нас были билеты.

С трибун хорошо было видно волнующееся пестрое море людей. Под звуки все той же музыки гили то собирались в хороводы, то сходились в танце с идущей навстречу колонной, то с гиканьем, уханьем и криком разбрасывали апельсины, которые были у них в корзинах.

Ряженые бросали апельсины с силой, порой они попадали в окна витрин, кафе, квартир, выходивших на площадь, к этому дню специально защищенные частой металлической сеткой. Апельсины попадали и в знакомых девушек, и просто зазевавшихся граждан, и даже в представителей местного самоуправления, стоявших в ложе.

Досталось, конечно, и нам; но гостям объяснили, что это — доброе предзнаменование будущего благополучия. Многие на лету ловили золотые шары, наполняя этими трофеями карманы.

В центре бушующей массы людей — гили с огромными шляпами из страусовых перьев. Вдруг прорывается новая группа студентов. Затем появляется маленький хоровод пожилых людей. В центре пляшет старичок, разрезая воздух рукой в такт музыке.

Темнеет. Прилегающие к площади кафе полны народа. Не замечая окружающих, бесцеремонно обнимаются парочки. За столиками сидят целые семьи, давно не встречавшиеся друзья. Хозяева едва успевают подавать горячий кофе, чай, шоколад. Время от времени вбегают ряженые девушки и парни, готовые танцевать всю ночь.

Если и днем карнавал был очень красив и своеобразен, то еще таинственнее, необычнее он выглядел ночью, озаренный лучами прожекторов. А в тени темных переулков то тут, то там мерцают звездочки бенгальских огней.

Нам рассказали, что Бенш привлекает своим карнавалом многочисленных гостей из соседних деревень и городов. Жители Бенша заранее готовятся к празднику. Они устраивают репетиции, копят деньги на костюмы, которые стоят недешево, обдумывают все детали карнавала, который длится три дня. По утверждению самих бельгийцев, «ce sont les jours de folies» («это дни безрассудств, шалостей»).

...Нам далеко ехать обратно. День необычайно холодный для Бельгии. Гололедица покрыла шоссе. Мы медленно пробираемся через толпы празднующих... Вот уже совсем далеко, словно прощаясь с нами, сверкнули огни карнавала.

Сегодня мы видели очень веселый праздник, который празднуется в Бенше в 405-й раз...

Дети — участники карнавала.

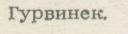

ТЕАТР ШПЕЙБЛА И ГУРВИНКА

Фото Е. УМНОВА.

Цирковой велосипедист.

Гурвинек.

Шпейбл.

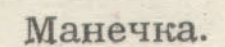
Иозеф Скупа и его жена Иржина Скупова во время спектакля.

— Когда мы начали выступать со Шпейблом, ему было около сорока лет, а мне не было и тридцати. Теперь я стал в два раза старше, а Шпейбл счастливо сохранил свой возраст,— рассказывал нам известный чешский кукольник Иозеф Скупа после одного из представлений. Мы сидели в его небольшом, уютном кабинете, заполненном книгами, куклами — героями прошедших представлений, которые ему особенно полюбились, куклами — подарками театров других стран.

— За это время,— продолжал свой рассказ Иозеф Скупа,— у Шпейбла «родился» десятилетний сын Гурвинек. Они очень любят друг друга, хотя нередко между ними бывают разногласия. Характеры у них не одинаковые, они складывались от спектакля к спектаклю. Мне нужны были герои, в беседе с которыми можно рас-

Укротительница свиньи.

Манечка.

сказывать о человеческих недостатках, смеяться над этими недостатками.

Шпейбл — это обыватель, он, может быть, и не глуп, но ленив, без всякого интереса к жизни, которая проходит рядом с ним. Гурвинек — тот умнее своего папы. Прибегая из школы, он забрасывает его вопросами. Наблюдательный, шустрый мальчуган часто ставит папу в тупик, заставляет его задуматься. И вместе со Шпейблом задумываются или смеются зрители.

Гурвинек хочет стать пионером. Правда, он большой озорник, и у него есть еще и другие недостатки.

Но, между нами говоря,— замечает Скупа, несколько понизив голос,— я и не хочу пока, чтобы он их лишался, а то мне будет неинтересно с ним работать, а зрителям скучно смотреть.

Шпейбл, Гурвинек и его верная подружка Манечка — это постоянные герои веселого марионеточного театра, которым руководит народный артист Чехословацкой Республики Иозеф Скупа.

Театр так и называется — «Театр Шпейбла и Гурвинка». Здесь, конечно, много и других героев, с помощью которых дружный коллектив кукольников обличает пошлость мещанина, обывательскую пассивность, злобу врагов демократии.

В традициях кукольного искусства в Чехословакии — активное участие в политической жизни страны. Творчество кукольников всегда честно служило народу. Во время гитлеровской оккупации Скупа, который своим искусством боролся за свободу Чехословакии, был арестован. При обыске забрали и Шпейбла. Товарищи помогли Скупе бежать, а Шпейбл до конца войны находился в тюремной канцелярии, и только после освобождения Чехословакии куклу, так перепугавшую гитлеровцев, торжественно вручили артисту.

И снова Иозеф Скупа каждый вечер приветствует зрителей, показывает новые программы, новых героев в своем интересном, своеобразном жанре, борясь с тем плохим, что еще осталось в жизни.

Н. СВЕТЛОВА

Деревенский оркестр.

Альпинисты спускаются в пещеру

А. ШАФРАН

Подъезжая к Чиатуре, еще издали видишь подвесные канатные дороги, протянутые над глубоким ущельем, на дне которого текут черные от марганца воды реки Квирилы.

По этим воздушным путям день и ночь снуют тележки с рудокопами и знаменитой чиатурской марганцевой рудой.

В один из летних вечеров у подвесной дороги рудника скопилось немало людей, с любопытством наблюдавших за тем, что происходило в воздухе. Из пассажирской кабины, остановившейся на высоте 180 метров, по канату спускался человек. Когда он благополучно приземлился, из кабины стал спускаться по этому головокружительному пути другой пассажир, за ним третий... Это была очередная тренировка чиатурских альпинистов.

Многими видами спорта занимаются чиатурские металлурги — футболом, баскетболом, вольной и национальной борьбой, легкой атлетикой,— но один из самых популярных видов спорта в Чиатуре — альпинизм. Пожалуй, нет ни одного рудника, где не работала бы альпинистская секция.

В снежную и морозную зиму на линии электропередачи произошла авария.

Высланные из близлежащего города Зестафони два электромонтера не смогли пробиться через глубокий снег к месту аварии. Тогда управление треста «Чиатуримарганец» немедленно связалось с секцией альпинистов и предложило выслать в горы отряд альпинистов-лыжников. Возглавить этот отряд взялся электромонтер рудника имени Ворошилова Годердзи Самхарадзе.

Вместе со своими товарищами — Варденом Гоцадзе, Александром Гогберашвили, Ираклием Хверилидзе — и другими альпинистами он отправился в горы. Более 60 километров прошли отважные альпинисты, подымаясь по отвесным скалам, спускаясь в ущелья и долины, пока не нашли места аварии. Однако исправить повреждение без необходимых материалов было трудно, и тогда Варден Гоцадзе и Ираклий Хверилидзе отправились вниз за технической помощью, а остальные, оставшись на месте, принялись прокладывать тропу, по которой поднялись монтеры.

Руководителем альпинистов в Чиатуре является инженер Андро Пипия. Это он организовал массовое восхождение чиатурских металлургов на вершину Казбека. В тяжелых метеорологических условиях 52 альпиниста во главе со своей землячкой заслуженным мастером спорта Александрой Джапаридзе поднялись на эту вершину.

Однако зачем же чиатурские альпинисты избрали для своих тренировок подвесную канатную дорогу?

Просматривая произведения известного грузинского государственного деятеля XVIII века, историка и географа Вахушти, Андро Пипия наткнулся на следующие строки:

«Там, где река Свери-Цхали впадает в Квирили, на всем протяжении от Гвимеви до Сачхери, с правой и левой стороны по ущелью реки Квирили в скалах находятся высокогорные, недоступные пещеры, в глубине которых жители близлежащих селений укрывались от врагов...»

Отдых у входа в пещеру «Джвари».
Фото А. Пипия.

Вот эти пещеры и решил избрать Андро Пипия для учебной работы с чиатурскими альпинистами.

Он и ранее слышал об этих пещерах. Много всяческих легенд ходило среди местного населения о них. Старики говорили, что в недрах гор хранятся несметные сокровища царей грузинских, и в том числе золотая люлька царицы Тамары, подлинная рукопись поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Однако, добавляли старожилы, сокровища эти охраняются злыми духами, так что все попытки проникнуть туда будут бесполезны.

В 1902 году в одну из пещер пытались спустить на цепи молодого крестьянина. Но на полпути, испугавшись головокружительной высоты, он отказался от дальнейшего спуска и с трудом был поднят обратно.

Внимательно изучив подступы к ряду пещер, расположенных в скалах по течению реки Квирилы, Андро Пипия понял, что основная тренировка должна заключаться в преодолении страха высоты. Помимо высотных тренировок, чиатурские альпинисты проводили тренировки на скалах, учились вбивать крючья, страховать друг друга, спускаться на веревках. Заинтересовавшись задачами, которые поставили перед собой альпинисты, в Чиатуру прибыл профессор тбилисского политехнического института Дементий Мшвениерадзе. В течение нескольких месяцев он готовился к спуску в пещеры вместе с чиатурцами.

Но вот заготовлено снаряжение — капроновая веревка, скальные крючья, карабины, спальные мешки, мощные электрические фонари, надувные резиновые лодки,— и экспедиция началась.

Первая пещера, в которую проникли альпинисты, находилась в ущелье реки. Она носила название «Джвари» — крест — из-за своего крестообразного входа. В нее проник электромонтер Годердзи Самхарадзе. Его спустили туда на веревке с верхней площадки по отвесной шестидесятиметровой скале. Вслед за ним в пещеру были спущены Варден Гоцадзе, Ной Джапаридзе, Прокоп Абашадзе, Андро Пипия, а затем и профессор Дементий Мшвениерадзе.

Альпинисты зажгли электрические фонари, огляделись. Пещера состояла из семи больших помещений, расположенных в трех ярусах. Недалеко от входа находился выбитый в скале колодец глубиной в три метра; в стенах были сделаны выемки для хранения домашней утвари, светильников, продуктов.

В углу одного из помещений альпинисты нашли черепки глиняной посуды, точильный камень, кремень для высекания огня.

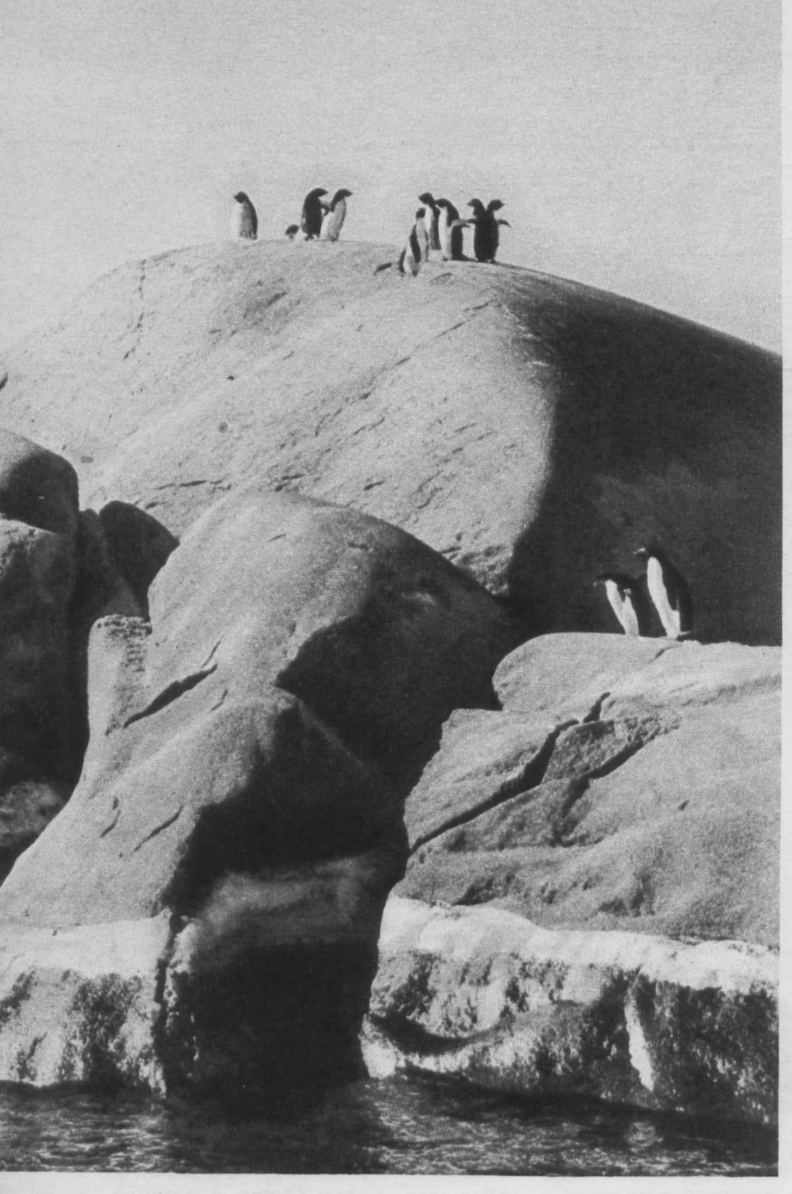
Затем альпинисты проникли в другую пещеру.

Здесь было найдено старинное оружие — деревянные копья с железными наконечниками, стрелы в колчанах,— остатки церковной утвари, закопанные в землю глиняные кувшины для хранения вина и другие предметы.

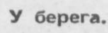
Побывали альпинисты и в других пещерах — «Пасиети», «Аквани» (аквани — люлька) и во многих других, везде наталкиваясь на следы древних обитателей.

Особо трудно было проникнуть в пещеры под названием «Сотобави» и «Чипианиклде». Нависшие над этими пещерами выступы не давали возможности прямо спустить альпинистов в прорубленное отверстие в скале, и повисших на веревке исследователей приходилось долго раскачивать в воздухе, буквально забрасывать в пещеры...

Утварь, оружие, предметы домашнего обихода, найденные в пещерах, переданы альпинистами в создаваемый Чиатурский краеведческий музей.

На скале «Огонек» пингвины устроили «наблюдательный пункт».

У берега.

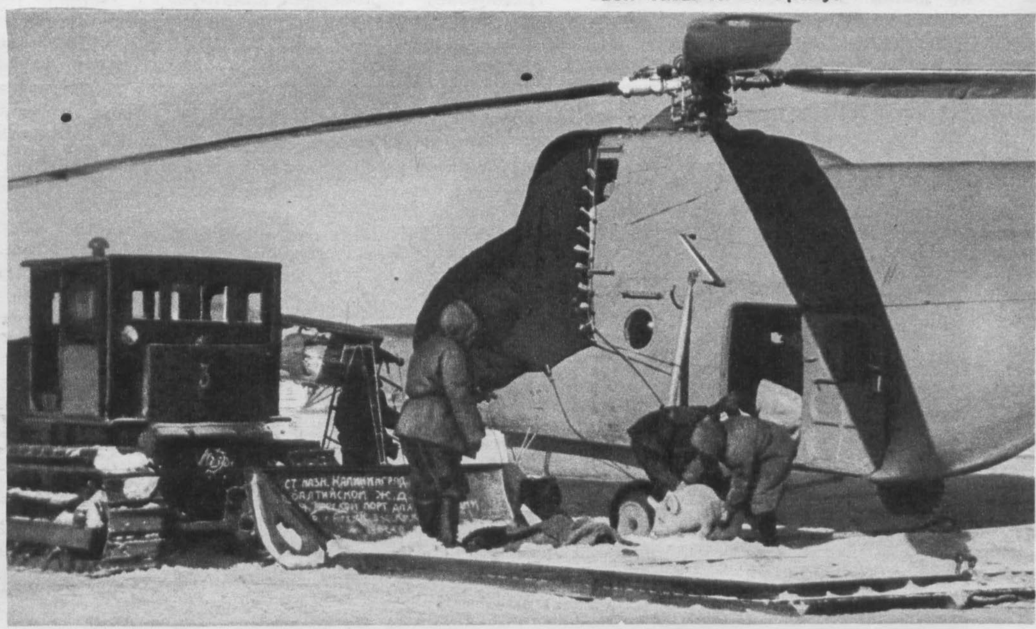
Так выглядит поселок Мирный.

Герой Советского Союза И. И. Черевичный.

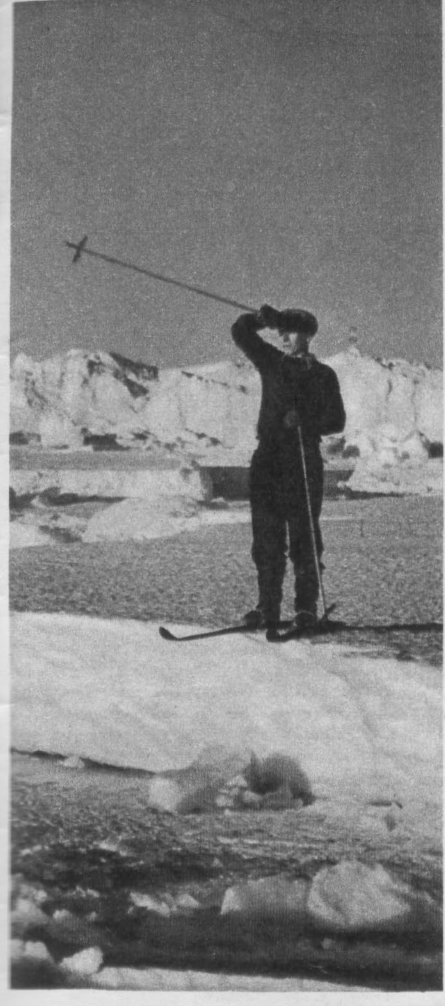

«Мэр города Мирного» начальник береговой базы Х. И. Греку.

Сюда прибыл живой груз.

ШЕСТО

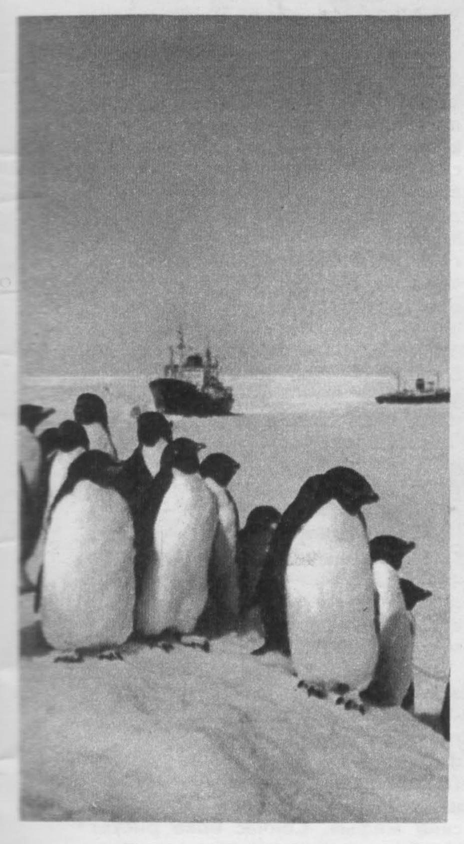
На лыжной прогулке в окрестностях Мирного.

Самолет готов к очередному рейсу.

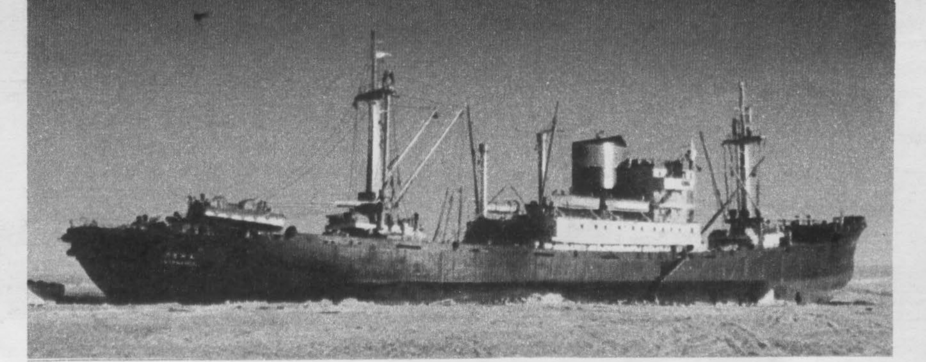
Временный гараж на льду.

Представитель королевских пингвинов взошел на палубу «Лены»...

Перед отплытием «Лены».

Толпа провожающих...

Публикуемые здесь фотографии сделаны специальным корреспондентом «Огонька» в антарктической экспедиции **Евгением РЯБЧИКОВЫМ** накануне отплытия на «Лене» из поселка Мирный. Они запечатлели антарктические пейзажи и картинки из жизни обитателей самого далекого советского поселка, расположенного на шестом материке.

Вова Тарноруцкий со своим мольбертом в зале музея.
Фото Е. Умнова.

КРУЖОК В МУЗЕЕ

На школьные темы

Шумная ватага школьников заполнила вестибюль Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Они пришли на экскурсию. Это частые гости музея. Пятиклассники приходят сюда знакомиться с культурой и искусством древнего Египта и древней Греции, шестиклассников интересует древний Рим, затем средневековье, эпоха Возрождения.

Учащиеся 129-й школы Москвы появились здесь впервые. В зале искусства древнего Египта они слушают рассказ научного сотрудника музея. У плиты погребальной камеры пирамиды фараона экскурсовод рассказывает о том, как был обнаружен ключ к чтению египетских иероглифов, говорит о найденном солдатами Наполеона так называемом Розеттском камне, об открытиях знаменитого ученого Франсуа Шампольона... И по тому, как светятся ребячьи глаза, как жадно слушают школьники, боясь пропустить хотя бы одно слово, видно: перед ними будто ожило далекое прошлое.

У статуи египетского писца возник разговор о том, как учили мальчиков в школах при египетских храмах. Жестоко наказывали тогда за малейшую провинность, считая, что «ухо мальчика на спине его и чем больше его бьют, тем лучше он слушает». Девочки весело смеются, мальчики смущены. Один из них, черноглазый и шустрый, заявляет: «Ну, нас бить не нужно. Мы и сами с удовольствием учимся».

Школьники немало знают фактов истории. Некоторые расспрашивают о раскопках гробницы фараона Тутанхамона в 1922 году. Юные любители древности легко воспринимают особенности египетского искусства, улавливают различия в изображении человека в разные эпохи.

Экскурсия сегодня продолжается дольше, чем обычно, и когда она заканчивается, ребята с сожалением восклицают: «Уже все!..» Тесным кольцом окружают школьники сотрудника музея, обращаясь к нему с новыми и новыми вопросами.

Так в музее возник новый кружок — юных любителей древности. Кружковцы гордятся членскими книжечками, которые они получили, с разрешением на право бесплатного посещения и зарисовок в залах музея. На одной стороне книжки изображение статуи мальчика, вынимающего из ноги занозу,— работа древнегреческого скульптора V века до нашей эры. Мальчик этот проявил замечательные качества характера: волю к победе, мужество, выносливость. Во время бега он занозил ногу, и, хотя ему было очень больно бежать, он вынул занозу только после победы. Не случайно эта статуя стала символом для ребят — участников школьных кружков. Только лучшие, дисциплинированные, целеустремленные получают право работы в музее.

Кружки школьников по изучению истории искусства существуют в наших крупнейших художественных музеях уже много лет. Те, кто начинал первым, теперь уже взрослые люди. Здесь, в музее, они научились любить и понимать искусство, от этого и жизнь их стала полнее, интереснее.

Занятия в кружке самые разнообразные: изучение коллекций музея, прослушивание лекций с проекционным фонарем, выполнение учащимися индивидуальных заданий. Каждый из участников берет последовательно несколько тем, которые разрабатывает в виде докладов. Вначале доклады готовятся на историко-культурные темы, например, «Египетское войско», «Как строили пирамиду», «Олимпийские игры». В дальнейшем упор делается уже на изобразительное искусство.

Кружковцы с увлечением работают в библиотеке, где собирают нужный материал, рисуют в залах музея, занимаются лепкой, делают макеты. Подготовленный доклад обсуждается на общем собрании кружка, а лучшие рисунки и макеты составят экспонаты будущих выставок, которые, в свою очередь, помогут заинтересовать и других школьников.

Руководят кружками научные сотрудники музея. Иной раз и их ставят в тупик вопросы детей. Девочка из пятого класса делает куклу-ассирийца, и ей необходимо знать, из какой материи и какого цвета был костюм ассирийца три тысячи лет тому назад. «Что такое ручка сестры?» — спрашивает вторая, и оказывается, что она имеет в виду ручку систра (музыкального инструмента), удивляясь при этом ее странной форме.

Ребята хотят знать многое: даст ли ростки египетская пшеница, найденная в гробницах; где добываются базальт и шифер — материал египетских статуй; что такое инкрустация и техника энкаустики; почему загробный мир называют «потусторонним» и т. д.

...Мы на очередном занятии кружка. Старший научный сотрудник музея египтолог Р. И. Рубинштейн рассказывает о египетских папирусах. Оказывается, что на некоторых папирусах записаны... сказки. Содержание одной такой записи, которую она сама перевела с египетского папируса, становится известным кружковцам. После этого в лектории музея они слушают лекцию «Сказки и мифы древнего Египта». И кого не взволнуют приключения молодого египтянина по имени Бата из «Сказки о двух братьях», который сохранял свое сердце в ветке кедра! Воины фараона срубили кедр и нашли его сердце. Бата воскрес потом и превратился в быка, а злая его жена — виновница несчастий — была наказана. Сказка перекликается с известным школьникам мифом об Осирисе и Исиде, и дети наперебой отмечают это. На основании сказки о чудесных приключениях путешественника и страшном чудовище — морском змее можно судить о плавании египтян в далекую Нубию, об их кораблях, о многом другом.

После лекции участники кружка занялись подготовкой докладов.

Школьники, умеющие хорошо рисовать, готовят многочисленные рисунки. Костя Сударев и Вова Тарноруцкий выполняют серию иллюстраций на тему «Героические мифы». Сейчас Вова рисует Ниобу, греческую царицу, с дочерью.

Вера Михеева темой своего доклада выбрала статую Эйрены с Плутосом — работу Кефисодота-Старшего. Эйрена—богиня мира, мать богатства и изобилия.

Много интересного юные любители древности найдут еще в музее имени Пушкина, который за короткое время стал для них родным и любимым.

А. АБРАМОВА

← Ученики 129-й школы делятся впечатлениями о занятии кружка.

На Волге — ледоход

Галина САНЬКО.

1. «Лед тронулся!» — разносится весть по Саратову. И тут же все горожане, стар и млад, устремляются к Волге. Начало весны... Можно ли пропустить такое чудесное зрелище!

2. Ждут первого весеннего улова.

3. Художник и его критики...

4. Со льдины на льдину. Опасная забава!

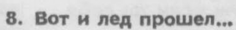
5. Хорошо, что у девочек есть косы.

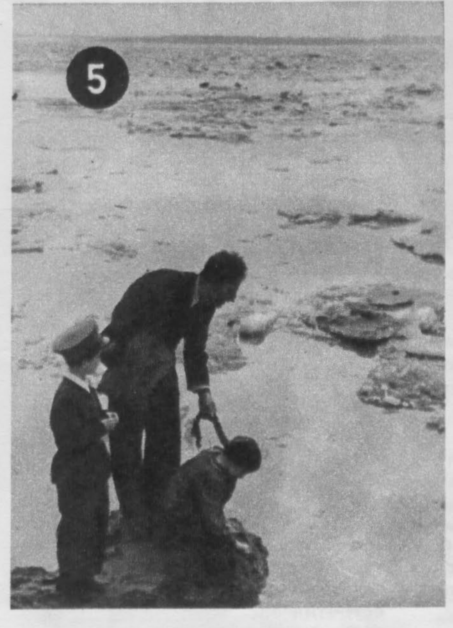
6. Совсем как в детстве...

7. Удобно устроились!

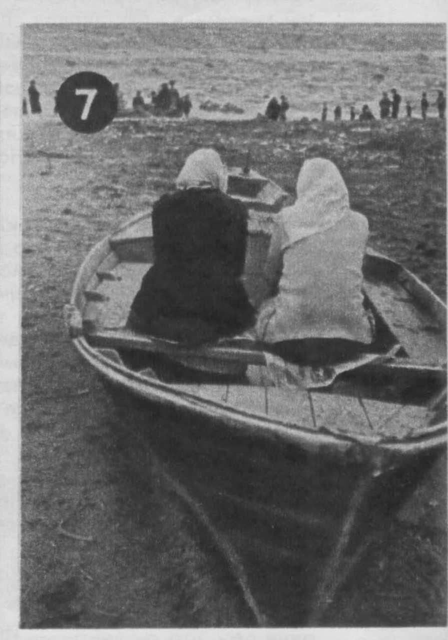
8. Вот и лед прошел...

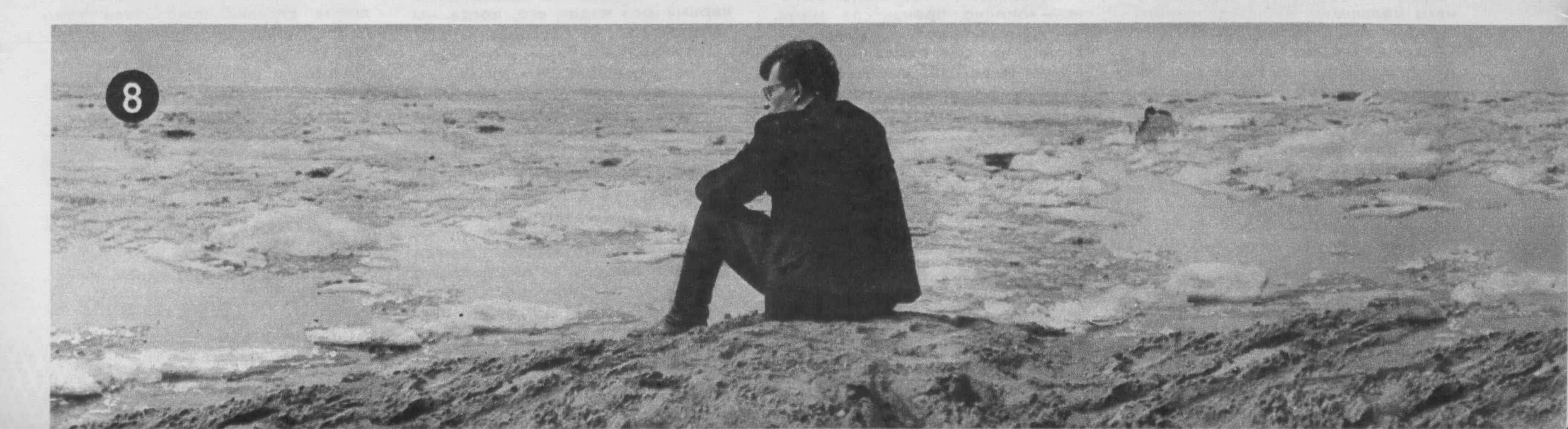

Счастливый костюм

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Е. Ведерникова.

Он сидел за столом, погруженный в теоретические основы электротехники, и штудировал двенадцатую главу, «Реактивные катушки и трансформаторы с железными сердечниками», когда откуда-то позвонила мама:

— Игорек, это ты? Ты дома? Немедленно приезжай! Дивная вещь! Ты помнишь Названова в этой пьесе... мы еще смотрели по телевизору, тебе понравилось?.. Совершенно то же самое, точка в точку!

Игорь заложил пальцем «Теоретические основы», поморщился от слишком резкого материнского голоса в трубке и пожал плечом.

— Но, мамочка, я совершенно не собираюсь в театр.

— Ах, да не в театр же, боже мой! В магазин. Сядешь на шестой номер, доедешь до дома с кариатидами, встанешь к ним лицом и по левую руку... Я не могу больше говорить: мне стучат, потому что я говорю из телеви... Ум за разум заходит! Из автомата... Гражданин, не стучите, это же не какая-нибудь пустяковая любовная болтовня, это серьезный разговор. Я вызываю своего ребенка в магазин, я не могу заглазно купить ему костюм за такие деньги!..

Тут Игорь наконец понял, что речь идет о покупке костюма, и крикнул в трубку:

— Сейчас приеду!

Костюм действительно оказался хорошим, сшитым будто по мерке и, главное, яркосинего модного цвета. Вечером Игорь решил обновить покупку и пойти в новом костюме к приятелю. Он одевался перед зеркалом, и мама помогала ему, потому что ей еще раз хотелось убедиться, что обновка сидит превосходно и большие деньги заплачены не зря.

Игорь смотрел на себя в зеркало и сдержанно улыбался. Неудобно же было в самом деле сказать про себя хотя бы и при одной только маме: «Ах, хорош!»,— тем более, что мама, очевидно, с воспитательной целью, часто повторяла ему, что он некрасив. Да, конечно, если строго разбираться, у него маленькие, неопределенного цвета глаза, худое, узкое лицо, большой рот. Но почему-то раньше девочки на него не заглядывались, а теперь заглядываются. Впрочем, маме лучше об этом не говорить, а то она сейчас же начнет читать мораль, как надо порядочным мальчикам обходиться с порядочными девочками, и так далее, и тому подобное, и наведет тоску.

Но на этот раз мама сама сказала:

— Хорош! Ах, сыночка, совсем ты у меня взрослый, того и гляди, невесту в дом приведешь.

— Ну, вот еще! — Игорь улыбнулся.— Пока что не собираюсь.

— И не надо, родной! Можно погулять, потанцевать, даже пофлиртовать (мама иногда употребляла вышедшие из моды выражения), но связывать себя с этих лет — ни в коем случае! И потом в твоем, в сущности, еще детском возрасте характер не определился, вкусы изменчивы. Нынче тебе понравится одна и покажется, что краше ее нет никого, и если она не будет твоей, ты станешь несчастнейшим человеком на свете. И ты даже будешь готов просить ее руки и сердца...

«Опять древнегимназические выражения,— подумал Игорь,— просить руки... При чем тут рука?»

— ...А через неделю ты встретишь другую, которая будет в тысячу раз лучше первой, и тебе будет даже смешно, что ты мог увлекаться той. А уж если ты себя свяжешь...

Из спальни послышался густой, заспанный голос:

— Ух, матушка, какую ты, извини меня, ахинею плетешь, даже слушать тошно! Сегодня он увлечется одной, вскружит ей голову, завтра увидит лучшую, стало быть, ту побоку. А послезавтра встретит раскрасавицу, лучше тех двух, вместе взятых,— значит, опять новая любовь? Прежде про такую смену любвей говорили: меняет, как перчатки. Нынче мы к перчаткам бережнее относимся, а уж к людям полагается и подавно. Гляди, сделаешь ты из мальчишки дон Жуана.

— При чем тут Жуан? — сухо сказала мама.— Я просто учу ребенка, как надо жить.— Она выразительно посмотрела на сына. Они совсем забыли, что папа вернулся с работы и отдыхает.

— Что-то не помню, чтоб у нас с тобой так жизнь складывалась,— сказал папа, и слышно было, как он ворочается на кровати.— Нам с тобой было по двадцать лет...

— Положим, мне было меньше,— холодно произнесла мама.

— Ну и хорошо, если меньше,— миролюбиво согласился папа.— Но вот мы живем вместе уже скоро тридцать лет, а ведь я не искал ничего лучшего и не кидался по сторонам.

— Вам никто не запрещал кидаться! — отрезала мама и обменялась высокомерным взглядом со своим отражением в зеркале.

Игорь очень любил свою мать, но он также любил и отца, а сейчас он будто со стороны посмотрел на обоих и подумал, что отец, несомненно, проявил выдержку и силу воли, раз и навсегда остановившись на своем выборе. Он, конечно, мог найти что-нибудь поизящнее, и чтоб нога не тридцать девятого размера, и чтоб характер лучше... Но, поймав себя на таких мыслях о своих родителях, он нахмурился, почувствовал себя виноватым, обнял мать и поцеловал в щеку.

А она это поняла по-своему: сын согласен с ней, а не с отцом — и улыбнулась не без кокетства:

— Твоему папке просто повезло в жизни, вот он и не кидался по сторонам! — И добавила уже серьезно: — А костюм, сыночка, береги. Он денег стоит, да и хорош. Такой прекрасный материал не каждый день встречается. Не закапай чем-нибудь, не наставь пятен, об стенки не обтирайся. Придешь, вычисти щеточкой и повесь. Это вещь!

— Я знаю. Спасибо, мамочка,— сказал Игорь.

В этот же вечер, чувствуя себя неотразимо красивым в новом яркосинем костюме, он познакомился с Маней и тут же влюбился в нее. Маня была маленькая, ему по плечо, говорила тоненько и смеялась, блестя белыми, хотя и редковатыми зубками. У нее были черные кудряшки и тонкая талия, затянутая широким поясом. Она с откровенным восхищением смотрела на Игоря, а он чувствовал себя безусловно достойным любви и, в свою очередь, влюбленным. И, конечно, если бы кто-нибудь сказал ему, что он влюблен в себя, а не в Маню, он ответил бы, что это глупости.

С первого же вечера он пошел проводить ее, а на третий вечер поцеловал. Она прошептала: «Ой, Игорь, не надо...»,— но так неубедительно и беспомощно, что он поцеловал ее еще раз и повторял это с одиннадцати вечера ровно до двенадцати ночи, по часам со светящимися зелеными стрелками. Он обещал маме вернуться домой не позднее половины первого.

Так продолжалось два месяца. Он уже ходил на свидания с Маней в старом костюме и даже в линялом свитере и выгоревших лыжных штанах. Мане нравилось все, что бы он ни надел, но все-таки яркосиний костюм оставался самым любимым. Еще в начале их знакомства Игорь сказал:

— Это счастливый костюм. Я в первый раз надел его, когда мы встретились.

Но теперь он берег его и надевал только в театр.

В театре Маня познакомила его со своей давней школьной подружкой Аней. Игорь посмотрел на Аню и заметил, что у нее густые рыжеватые волосы и толстенькая, но довольно складная фигурка. Ее улыбку он нашел несколько слащавой, а лицо обыкновенным, незапоминающимся. Но в следующем антракте, когда Аня подошла к ним и со своей сладкой улыбочкой посмотрела ему прямо в глаза, он подумал, что ее рыжеватые волосы, пожалуй, лучше черных кудряшек и что Мане следовало бы немного пополнеть, чтобы платье облегало ее так же, как и Аню, а не болталось бы, как на вешалке.

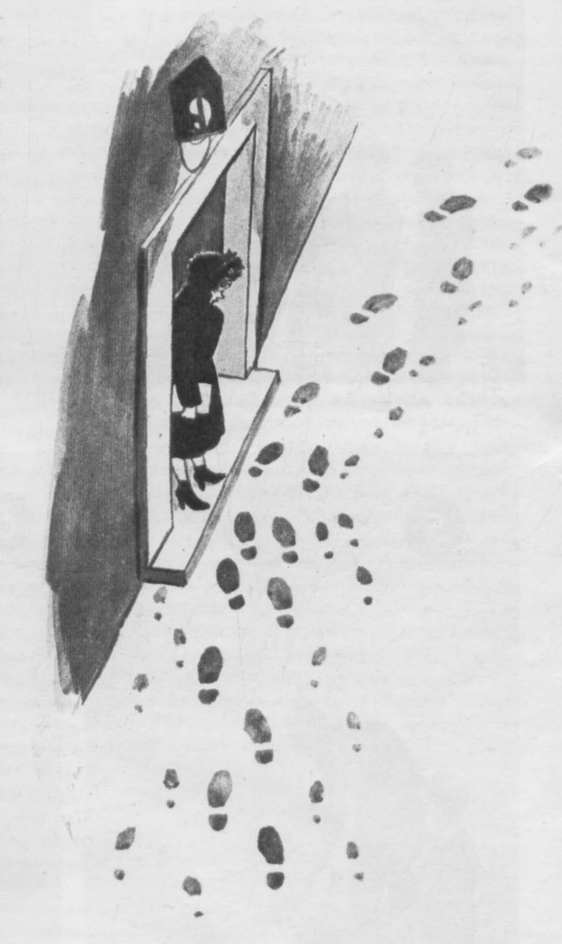
После окончания спектакля в гардеробе, помогая девушкам одеваться, Игорь подумал, что меховая шубка Ани гораздо элегантнее, чем суконное пальто Мани.

Они шли из театра втроем: он посредине, девушки по бокам. Они дошли до того дома, где жила Маня. У крыльца она вопросительно и тревожно поглядела на Игоря.

— Спокойной ночи! — сказал он безукоризненно вежливо и, оставив Маню у подъезда, взял Аню под руку. — Пошли?

Они шли медленно, и Аня пожаловалась, что ей холодно. Он решительным жестом расстегнул пальто и накинул на нее одну полу. Она погладила лацкан его пиджака.

— Красивый костюм.

— Это счастливый костюм,— томно и разнеженно произнес Игорь.— Сегодня я в нем, и я встретил вас.

Он пришел домой поздно. Зеленые стрелки показывали три. Мать открыла ему, приложила палец к губам:

— Шшш! Наконец-то, слава богу! — и прошла к нему в комнату. Он иногда делился с ней своими впечатлениями, и она гордилась этим.

— Аня рыженькая гораздо интереснее,— говорил он убежденным тоном,— вольно ж Маньке дуться, ведь я ей ничего не обещал.

— Самое главное, сынок, ниче-

го никому не обещай. Надо быть честным,— проникновенным басом говорила мама.— А если они тебе на шею вешаются, так надо голову на плечах иметь. Я, когда с твоим отцом познакомилась, я головы не теряла. Только ты будь осторожнее, помни, что тебе рано связывать себя. Этих девчонок еще два десятка встретишь! — Она поцеловала Игоря и погрозила пальцем: — И все-таки на сон грядущий не могу без нравоучений: костюм свой кое-как бросать не надо. Это вещь! Такие каждый день не встречаются. Нужно быть бережливым. Ну, спи, сыночек.

Шли дни. Игорь прибегал домой из института; наскоро, стоя в кухне, ел что-нибудь без разбора, к маминому огорчению. Говорил:

— Мне некогда! — садился к телефону, вел непонятный разговор: — Это я... Н-да... там же... тогда же... после... — и убегал на весь вечер.

Мама не на шутку начала опасаться за здоровье мальчика и за его стипендию. А ну как нахватает троек! Она не брала из его стипендии ни копейки, однако предпочитала, чтоб у сына были свои собственные деньги на мелкие расходы. Но больше всего ее беспокоила мысль: нет ли тут серьезного чувства?

— А если и есть, что ж тут плохого? — удивился папа.— Будут дружить года три, до окончания института, а там видно будет. Настоящая дружба, чистая любовь... что может быть лучше.

— Лучше, чтоб мальчик не связывал себя по рукам и ногам никакой любовью,— твердо говорила мама.— Все это придет со временем.

— Угу, годам к пятидесяти,— подсказывал папа, и они ссорились.

Выбрав вечер, когда Игорь почему-то сидел дома, мама сказала равнодушным тоном, как говорят о вчерашней погоде:

— Видела я твою Аню. Простовата. Похожа на домработницу.

Игорь продолжительно зевнул и сказал неожиданно для мамы:

— Хорошо, когда девушка талантлива: поет, играет, пишет стихи...

«Неужели у Аньки проявились таланты?» — опасливо подумала мама и пожала плечом:

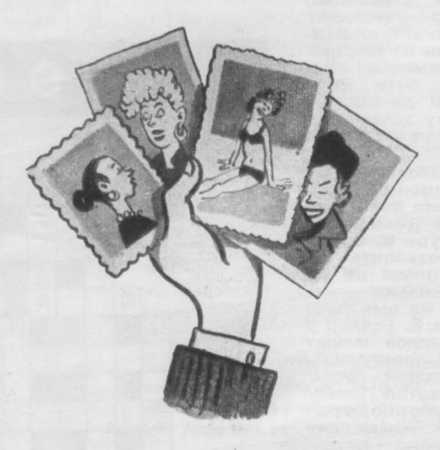
— Смотря по тому, какие таланты и что за стихи.

Игорю очень хотелось поделиться.

— Ох, мама, с какой девушкой я познакомился! Ее зовут Ирина...

...В письменном столе Игоря скопилось уже довольно много фотографий. Смеющаяся Маня-черненькая (редковатые зубы, такой фотографией не похвалишься); Аня-рыженькая в купальном костюме (один из приятелей небрежно сказал: «Кувалдочка», — и этого было достаточно, чтобы засунуть Аню под прошлогодние тетради); задумчивая Ирина у рояля. Фотография Ирины надорвана. Вообще с этой девушкой было немало неприятностей. Больше неприятностей, чем удовольствия. Она требовала свою фотографию

обратно, узнав, что появилась Валентина. Она пришла к ним домой, плакала и говорила, что взамен этой карточки она пришлет другую, где она будет снята в гробу... Игорь стоял у окна, боялся обернуться и мучительно завидовал мальчишкам, гонявшим во дворе голубей. По счастью, в комнату вошла мама и сказала солидно и басом:

— Во-первых, девушка, вы уже не сможете прислать фотографию, если вы будете в гробу. (Тьфу, тьфу! Не дай бог! Я даже слышать об этом не хочу!) А во-вторых, у вас должна быть совесть и голова на плечах. Мальчику всего только двадцатый год, и он вам решительно ничего не обещал.

— Так неужели же в нем нет ничего доброго, ни капли бережности к чужой душе?

Ирине никто на это не ответил, и она убежала, захлопнув за собой дверь. Мама три дня боялась, что она пришлет фотографию с гробом, но этого не случилось.

Лучше всех портрет Валентины! В жизни она еще красивее. На улице на нее буквально все оглядываются, а на Ирину не оглядывались. Аня и Маня вообще не в счет, о них можно не вспоминать. Даже смешно, что он когда-то гулял с ними до трех часов утра, торчал у крыльца, целовался... Валентина! Эта совсем другая. Она прищурилась и сказала:

— Вам идет синий цвет.

Он ответил:

— Это счастливый костюм, если он вам нравится.

Портрет Валентины он даже хотел вставить в рамку и специально купил золоченую за пятнадцать рублей тридцать копеек, чего не делал для фотографии Ирины, а уж тем более для Ани-рыженькой и Мани-черненькой, но раздумал и поместил в золоченую рамку свою цветную фотографию в яркосинем костюме.

Уговорились я и мама
Дождаться выходного дня
И повидать ги-ги-топама...
Нет, ги-попо-тото-попама...
Нет, ги-тото-попо-потама...
Пусть мама скажет за меня!

Вошли в открытые ворота
И побежали мы вдвоем
Взглянуть на ги... на бегемота.
Мы чаще так его зовем.

Он сам имен своих не знает.
Как ни зовите, все равно
Он из воды не вылезает,
Лежит, как мокрое бревно.

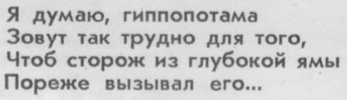
Нам не везло сегодня с мамой.
Его мы ждали целый час,
А он со дна глубокой ямы
Не замечал, должно быть, нас.

Лежал он гладкий,
толстокожий,
В песок уткнувшись головой,
На кожу ветчины похожий
В огромной миске суповой.

По целым дням из водоема
Он не выходит, — там свежей.
— Есть у него часы приема? —
Спросили мы у сторожей.

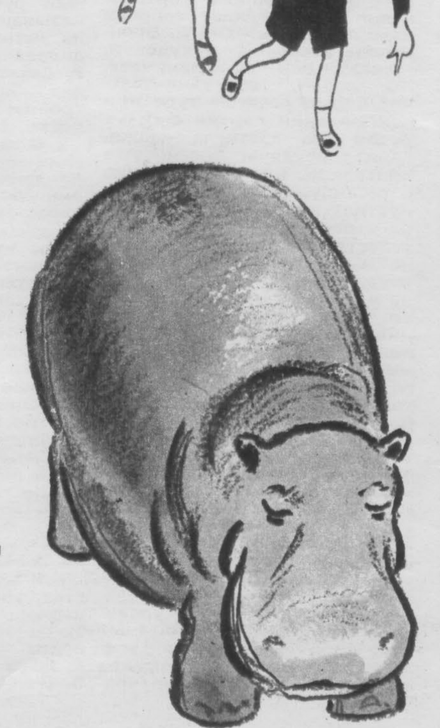
— Да, есть часы приема пищи.
Его мы кормим по часам!
И вдруг, блестя, как голенище,
Поднялся сам
Гиппопотам.

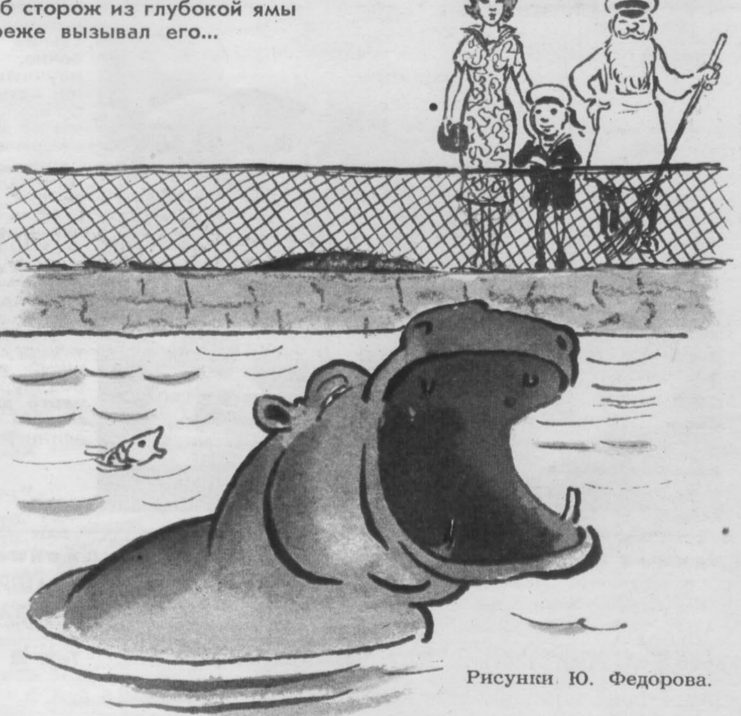
Должно быть, у него промокли
Мозги от постоянных ванн,
Глаза посажены в бинокли,
А рот раскрыт, как чемодан.

Он оглядел стоявших рядом
Гостей непрошенных своих,
К решетке повернулся задом,
Слегка нагнулся — и бултых!

Я думаю, гиппопотама
Зовут так трудно для того,
Чтоб сторож из глубокой ямы
Пореже вызывал его...

Рисунки Ю. Федорова.

ВАСИЛИЙ СМЫСЛОВ — ПОБЕДИТЕЛЬ ТУРНИРА

Вторая половина турнира протекала настолько остро, что выявить «настоящего» лидера удалось лишь в последнем туре.

Группе советских туристов, выезжавшей в эти дни в Голландию, очень хотелось присутствовать при напряженном финише выдающегося шахматного соревнования. Появилась опасность опоздать, но доктор Эйве позаботился, чтобы голландская виза была оформлена вне всяких «графиков». Этот пример лишний раз показывает, каким большим авторитетом пользуется в Голландии шахматное искусство. Любовь голландцев к шахматам подтверждает и тот факт, что они организовали турнир претендентов несмотря на то, что их «герой» — д-р Эйве — в нем не участвовал.

Президент Голландской шахматной федерации г-н Стейнис сказал: «Во-первых, мы очень любим шахматы, а во-вторых, надо постараться воспитать нового Эйве».

На турнире — последние, решающие бои. После месячного напряженного соревнования все выглядят хорошо; кажется, лишь один Д. Бронштейн несколько похудел и, пожалуй, немного нервничает. Но разве это удивительно? Еще в десятом туре при доигрывании партии с П. Кересом его постигла неожиданная неудача: многие уже вписали Д. Бронштейну очко в таблицу, но он сначала выпустил выигрыш, а затем, расстроенный этим обстоятельством, продолжая играть на выигрыш, проиграл. Эта неудача сразу отбросила его на четвертое место. Правильно тогда отметил М. Ботвинник, что Бронштейн в психологическом отношении не сумеет оправиться после такого тяжелого удара. Действительно, деморализованный Д. Бронштейн на следующий день вновь проиграл — Б. Спасскому. В пятнадцатом туре Д. Бронштейну еще удалось победить Е. Геллера, но в следующем он проиграл важную партию В. Смыслову и практически выбыл из борьбы за первое место.

Весело расхаживал по эстраде Е. Геллер, победитель первого круга. Но экскурсии ему явно противопоказаны: два тура, проведенные вне Амстердама, в Леэвардене, закончились для Е. Геллера печально и дали возможность П. Кересу перехватить лидерство.

Уверенно, «капитально» играл В. Смыслов — «спокойный рус», как его издавна называют в Голландии. После четырнадцатого тура лидировала «советская тройка»: В. Смыслов, П. Керес, Е. Геллер. За ними шла вторая тройка: Д. Бронштейн, Т. Петросян, Б. Спасский.

...В зале секунданты советских гроссмейстеров, корреспонденты, туристы. В газетах пишут: «Русские — экстра-класс». Газетные обозреватели ежедневно стараются угадать, кто из советской шестерки победит. Одного обозревателя к тому же интересует вопрос: победит кто-либо из трех женатых советских гроссмейстеров или кто-нибудь из холостых?

Из решающих схваток на финише очень сильное впечатление произвела на всех партия В. Смыслов—Д. Бронштейн. В середине партии В. Смыслов несколькими ходами переиграл и затем блестяще победил Д. Бронштейна. «Теперь, пожалуй, можно уже больше не нервничать»,— успокоил себя и своих болельщиков Бронштейн.

...И вот результаты мастерства, упорства, огромной выдержки В. Смыслова—он снова во главе лидеров. Ему как будто уже не опасен ни Е. Геллер, ни Т. Петросян, ни Б. Спасский. Главный конкурент В. Смыслова теперь П. Керес.

Кое-кто из голландских шахматистов лелеял надежду на дележ первого и второго мест между В. Смысловым и П. Кересом и, следовательно, на возможность наблюдать дополнительный матч между ними. В предпоследнем туре, выступая против М. Филипа, П. Керес потерпел впервые поражение. В этой ответственной партии даже он, самый спокойный из всех, нервничал.

Кажется, что все уже позади. Снова В. Смыслов! В прессбюро имя советского гроссмейстера Смыслова на устах у всех. Это имя корреспонденты разных стран спешат передать по телефону в свои газеты и журналы. Кое-кто уже поздравляет Смыслова, но гроссмейстер отклоняет все поздравления. «Рано! Всякое бывает». Один из поклонников таланта Смыслова предупреждает его, что надо быть бдительным до последнего момента. Эту точку зрения он даже выражает в стихах:

Вася, Вася, ты сегодня
именинник,
Не забудь, однако: есть еще
и Пильник.

В последнем туре В. Смыслов мог себе позволить играть с Г. Пильником не на выигрыш, а на ничью.

Если П. Керес не выиграет у Т. Петросяна, а Е. Геллер у Л. Сабо, то Смыслов может играть даже на... проигрыш!.. Однако аргентинский гроссмейстер не захотел «мирной жизни», он упорно играл на выигрыш. В. Смыслову пришлось серьезно потрудиться, чтобы сначала отбить все его атаки, а затем он сам перешел в наступление и выиграл эту завершающую партию. П. Керес сделал ничью, а Е. Геллер проиграл. В результате победитель турнира оторвался от ближайшего соперника на 1,5 очка!

Интересное соревнование первой десятки шахматистов мира закончено. Прогнозы знатоков оказались все же правильными. В матче на первенство мира М. Ботвинник вторично встретится со своим старым знакомым, с В. Смысловым, одержавшим великолепную, заслуженную победу.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер.

КОНФЕРЕНЦИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА»

В Ленинграде в Доме культуры промкооперации состоялась конференция читателей журнала «Огонек», в которой приняли участие свыше трехсот человек: рабочие, инженеры, педагоги, научные работники, писатели, студенты, журналисты. С критическими замечаниями по поводу содержания и оформления журнала выступили научный сотрудник Эрмитажа А. Брянцев, разметчик завода «Красный выборжец» Г. Дубинин, инженер-капитан Ю. Студенцов, помощник санитарного врача И. Воложенинов, методист управления культуры Леноблисполкома В. Круглов и другие.

В фойе Дома культуры читатели познакомились с лучшими работами фотомастеров журнала «Огонек». В концерте для читателей конференции участвовали артисты ленинградских театров.

К. ЧЕРЕВКОВ

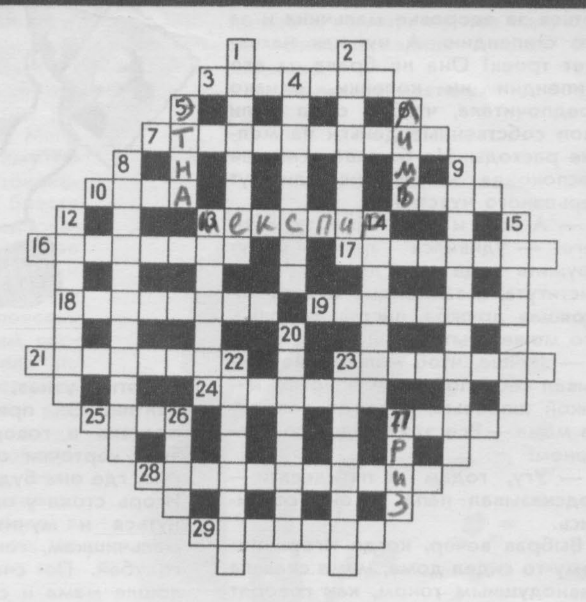
Фото В. Федосеева.

МИМОлетное видение.

Рисунок М. Вайсборда.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Внешний признак. 7. Способ печатания. 10. Город в БССР. 11. Русский архитектор. 13. Великий английский писатель. 16. Извергенные горные породы. 17. Индийский финик. 18. Героиня одного из произведений Л. Н. Толстого. 19. Наставление. 21. Летательный аппарат. 23. Ловкость, умение. 24. Заголовок раздела. 25. Хищная птица. 27. Порт на Черном море. 28. Объяснение, толкование. 29. Озеро в США и Канаде.

По вертикали:

1. Теплоизоляционный материал. 2. Высота воды в водоеме. 4. Один из видов международных соглашений. 5. Вулкан на Сицилии. 6. Деталь угломерных инструментов. 8. Орган государственной власти. 9. Твердость, непоколебимость. 12. Литовский народный инструмент. 13. Работник искусства. 14. Тропическая степь. 15. Птица семейства фазановых. 20. Однозарядная винтовка. 22. Один из народов Советского Союза. 23. Эпический жанр. 26. Город во Франции. 27. Награда победителю.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД-РАЕШНИК (№ 18)

По горизонтали:

3. Жаворонок. 6. Солнце. 8. Трепет. 9. Лужайка. 10. Деталь. 11. Начало. 12. Брасс. 14. Бюст. 16. Стих. 17. Ледоход. 18. Водопад. 21. Весна. 25. Трава. 27. Терраса. 28. Водоем. 30. Каркас. 33. Окно. 34. Озон. 35. Затон. 37. Думка. 38. Афиша. 39. Расцвет.

По вертикали:

1. Капель. 2. Фонтан. 4. Волейбол. 5. Теплоход. 7. Карась. 12. Бутон. 13. Сироп. 15. Тропа. 16. Спорт. 19. Авоська. 20. Паводок. 22. Небо. 23. Гром. 24. Парк. 26. Роща. 28. Воздух. 29. Драма. 31. Комик. 32. Соната. 35. Загар. 36. Напев.

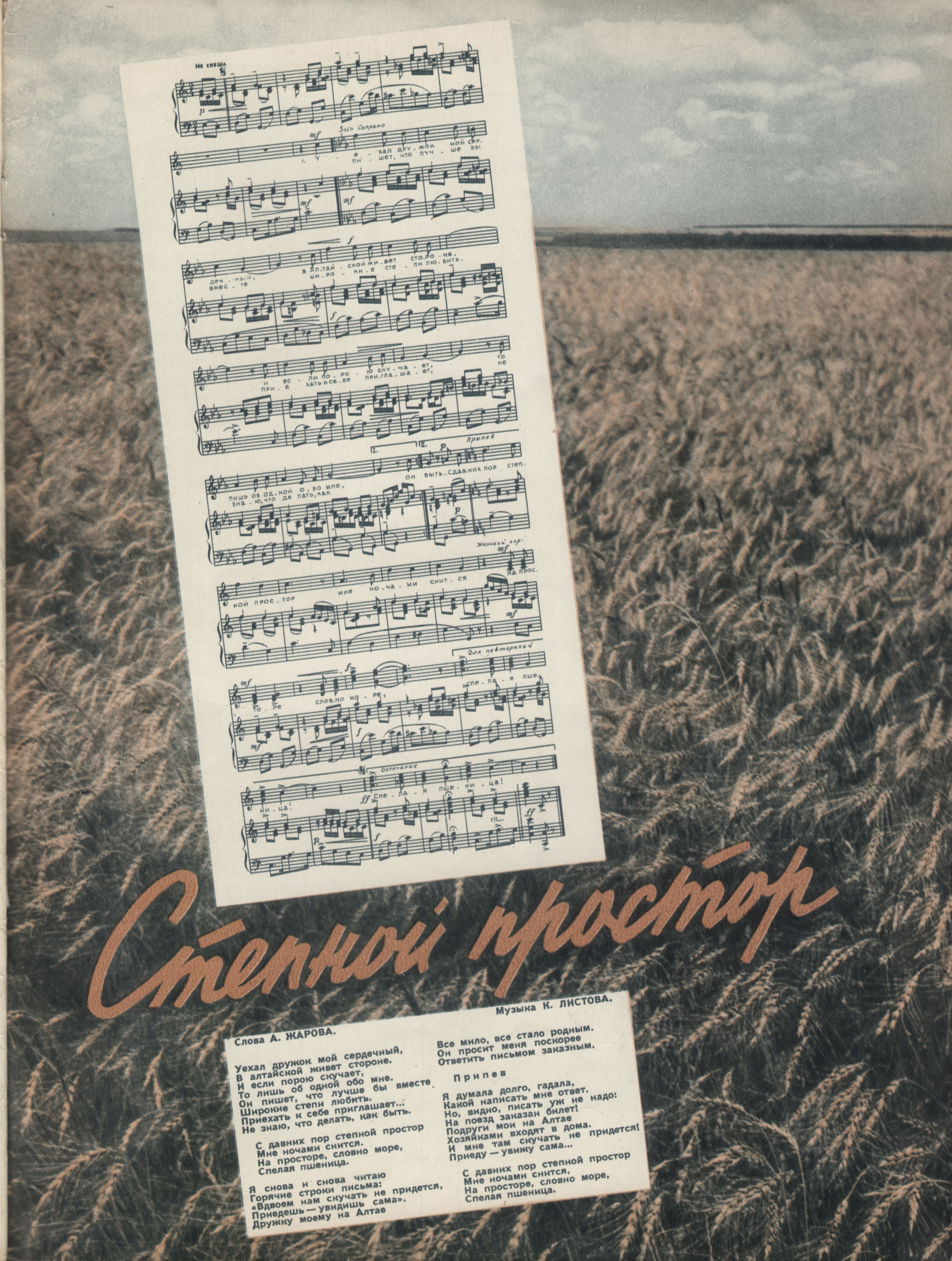
В этом номере на вкладках: репродукции картин А. Янина «Арест Я. М. Свердлова», А. Луценко «Первенец у новоселов», А. Колесникова «Урал индустриальный», Н. Корниенко «В балетном классе Дома культуры» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 03714. Подп. к печ. 3/V 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 379. Заказ № 1094. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Не спеша
Solo Сопрано
Припев
Женский хор
Для повторения
Окончание
Степной простор
Музыка К. ЛИСТОВА.
Слова А. ЖАРОВА.
Уехал дружок мой сердечный,
В алтайской живет стороне.
И если порою скучает,
То лишь об одной обо мне.
Он пишет, что лучше бы вместе
Широкие степи любить.
Приехать к себе приглашает...
Не знаю, что делать, как быть.
С давних пор степной простор
Мне ночами снится.
На просторе, словно море,
Спелая пшеница.
Я снова и снова читаю
Горячие строки письма:
«Вдвоем нам скучать не придется,
Приедешь — увидишь сама».
Дружку моему на Алтае
Все мило, все стало родным.
Он просит меня поскорее
Ответить письмом заказным.
Припев
Я думала долго, гадала,
Какой написать мне ответ.
Но, видно, писать уж не надо:
На поезд заказан билет!
Подруги мои на Алтае
Хозяйками входят в дома.
И мне там скучать не придется!
Приеду — увижу сама...
С давних пор степной простор
Мне ночами снится,
На просторе, словно море,
Спелая пшеница.

МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Цена номера 3 руб.

